

Жесуй

Бесдеполь

Красное

небо

Пути мрака неисповедимы...

Жесуй Бесдеполь

Красное небо

«Издательские решения»

Бесдеполь Ж.

Красное небо / Ж. Бесдеполь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518738-3

Героиня книги — редкая красавица, круглая отличница и комсомолка. Только этого, конечно, недостаточно, чтобы быть счастливой. Она избегает сверстников и общается лишь с близкой подругой, но даже ей не открывает самые сокровенные мысли. И вот, когда она решает, что мир слишком холоден и сер, чтобы бояться с ним расстаться, все резко изменяется. И вскоре героине предстоит узнать, что на самом деле скрывает мир за этим серым, неприглядным небом...

ISBN 978-5-00-518738-3

© Бесдеполь Ж.
© Издательские решения

Содержание

Красное небо	6
Глава первая	7
Чуждый взгляд	7
Глава вторая	18
Всепоглядывающая индивидуальность	18
Глава третья	34
Столкновение	34
Глава четвертая	46
Управляемое падение	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Красное небо

Жесуй Бесдеполь

© Жесуй Бесдеполь, 2020

ISBN 978-5-0051-8738-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Красное небо

Глава первая

Чуждый взгляд

– Люди все такие одинаковые, – сообщает Оливия своей подруге.

Прохладное весеннее солнце укалывает щекоотливо лучиками света, радостно мерцает короткими, быстрыми вспышками в живом море свежей листвы, и уже сейчас не дает замерзнуть, обещая вскоре укутать землю жаркими объятиями нетерпеливого лета.

Левая нога Оливии раскачивается от легких движений под лавкой, вылетает чуть вперед, едва шурша пяткой по сухой, пыльной земле двора, а затем, немного не достав до белого, свежеекрашенного бордюра, падает обратно.

Из-под синей юбки торчат молодые, повзрослевшие коленки, а белая, форменная блузка обтягивает девичью грудь, кажущуюся больше из-за красной косынки. Волосы собраны в пучок возле правого уха, но эта ассиметричная прическа, чуждая окружающему, самобытному миру, ничуть не портит красивые, острые черты привлекательного лица.

Длинные, тонкие брови огибают большие, выразительные зеленые глаза. Тонкий нос прямой линией спускается к пышным, светлым, розовым губам, а широкие скулы и острый, треугольный подбородок так органично вписываются в эти портретные черты, что с трудом можно поверить, будто это великолепие отнюдь не является точным расчетом мастера-художника, а вполне самостоятельно демонстрируют естественное проявление девичьей красоты.

Подруга Оливии, красавица с тугим хвостом на затылке, украшенном пышным красным бантом, также бросив кожаный портфель на лавку, улыбается, слушая подругу, но не перебивает.

– Ви, – зовет Оливия. – Что смешного? Я серьезно.

Виолетта тут же прогоняет улыбку с лица. Изящно махнув рукой, она пытается отказаться от нанесенного подруге оскорбления, но та и не обижается.

– Чего?! – повторяет Оливия громче. – Смешно тебе?

Тут же она начинает улыбаться уже и сама, легонько толкает Виолетту в плечо, а та, не ожидая, нечаянно сталкивает портфель на землю.

Девушки обе начинают собирать вещи, посмеиваются и настроения из-за случившегося не теряют. Вывалившуюся из портфеля небольшую папку с тетрадями, кучу линейек, несколько пеналов и три выпавших учебника, подруги быстро складывают обратно, а затем усаживаются обратно на лавку.

Легкий ветерок и солнце, блестящее из листвы молодых кленов, растущих вокруг лавки, приятным чувством радуют душу. Кругом все цветет. Теплые дни согревают городские улицы, негромко шумят проезжающие по городским дорогам москвичи и волги, о которых можно и не думать, сидя на лавочке двора, окруженной небольшими клумбами, деревьями и несколькими беседками.

Предвкушение скорого лета зовет дышать полной грудью, и беседа ненадолго прекращается, но скоро Виолетта замечает на ногах подруги все те же кроссовки, что девушка носит в школу уже несколько дней подряд.

– Ты не боишься, что влетит? – спрашивает она.

Оливия поворачивается, глядит с недоумением, но проследив за направлением взгляда, устывает на свои кроссовки вместе с подругой, а затем отмахивается.

– Ничего не будет. Вот увидишь, Ви.

Виолетта слегка вздыхает.

– Только в школе перестань меня так называть.

Подруга снова оборачивается и глядит уже с недоумением, не пытаясь его скрывать.

– Почему?

– Светлана Ивановна мне сегодня...

Недоговорив, Виолетта начинает улыбаться, пододвигается ближе, оглядывается вокруг, посмотрев на старушек, детей и прохожих, которые заполняют двор голосами, а затем продолжает уже тише.

– Чего, говорит, водишься, – рассказывает девушка. – Еще, говорит, научит всякому. Хихи.

Оливия слушает, но тоже начинает улыбаться, видя, что подруга явно с трудом удерживается от смеха, желая окончить свой рассказ.

– Я спрашиваю: «Чему всякому»? – а она мне: «Ну... э... мэ... всякому!»! – говорит старшеклассница, а потом, не удержавшись, рассмеивается.

Подруга же только улыбается, но рассмешить ее такой историей у Виолетты не выходит, и тогда девушка тоже быстро теряет настроение.

– Да ладно! – толкает она Оливию. – Весело же!

Подруга ничего не отвечает. Повернув голову, она раскачивает под лавкой красивыми ножками, а сама оглядывается, видя, что даже и здесь, в чужом дворе, где она частенько сидит с Виолеттой, старушки поглядывают неодобрительно.

Впрочем, не это портит Оливии настроение, не дав насладиться шуткой.

– Кому весело, а кому обидно, – поясняет она.

– Ой, да брось!

Девушка не слушает и глядит на старушек с недовольством, даже, кажется, с толикой презрения.

– Люди все такие одинаковые, – снова заговаривает Оливия о том, о чем у нее не вышло рассказать. – Надоело. Посмотри. Я заранее могу сказать, что у них в голове. Видишь? Смотрят.

Виолетта улыбается.

– Да и пусть смотрят, – говорит она тихо. – Какая тебе-то разница, а?

– Раньше никакой не было, – отвечает девушка. – Да и не это меня волнует. Я же тебе другое пытаюсь сказать. Ты посмотри, они же все одинаковые. Готова поспорить, я точно могу предсказать, что они будут делать.

– Да что ты? Ну, давай! Как тебя звать потом? Ванга или Нострадамус?

– Думаешь я шучу? – поворачивается Оливия. – Ну, смотри. Видишь тех старушек напротив? Смотри, видишь, в мужика пальцем тычут? Знаешь, почему?

– Ну?

– Из-за машины. Взгляни, у него Волга.

– Ну и что?

– А то, что им слишком интересно. Как это – у всех Москвичи, а у этого Волга, – объясняет Оливия. – Непорядок. Значит, не наш товарищ.

– погоди, стой, – улыбается подруга. – Ты говорила, что предскажешь....

– Да-да, смотри, – усаживается девушка поудобней и чуть наклоняется к подруге. – Сейчас они повернутся, будут смотреть, а потом зашепчутся, да еще и ладонью закроются, как будто кто-то их по губам читает.

Виолетта улыбается, но следит за мыслью подруги с интересом.

– Хорошо, но если не получится, то с тебя пломбир.

– А если получится, – тут же перебивает Оливия, – то с тебя... вино!

– Эй! Когда это ты успела вино полюбить? – удивляется подруга.

Хотя, видно, что такой поворот не сильно ее удивляет, а потому Виолетта, кажется, даже сама готова согласиться, но все же добавляет.

– Это не у меня мама в Кремле работает.

Оливия сразу же отмахивается.

– Ага, – соглашается она вяло. – Только вот зарабатывает она там еще меньше, чем твоя в гастрономе.

Виолетта даже взглядывает на девушку с сожалением.

– Ну, ладно! – резко поворачивается Оливия. – Согласна?

– Согласна-согласна, – отмахивается подруга.

И начинается шоу.

Виолетта быстро понимает, что она упустила, когда увлеклась мыслями о предсказательных способностях давней подруги, но все же не сразу. Оливия сначала наклоняется и зачем-то развязывает шнурки на кроссовках, затем выпрямляется и расстегивает на рубашке пуговицу ровно между грудей, а после стягивает косынку и взглядывает на Виолетту с хитрой ухмылкой. Затем девушка сводит колени, а стопы расставляет так широко, как может, поднимает юбку до середины бедер, выпрямляет спину, отклоняется назад, и на груди сам собой образуется ромбовидный вырез, открывающий светлую кожу.

– Ах! Как душно! – напоказ, легко и кокетливо взмахивает Оливия косынкой, только что висевшей на шее.

Она делает все это жутко наигранно, но Виолетта сразу же начинает улыбаться, хотя и в то же время пытается выражать какое-то недовольство, осознавая уже свой неминуемый проигрыш.

Дворовые старушки, впрочем, не оборачиваются сразу. Самыми эффективными и мощными пеленгаторами оказываются немногочисленные старики, которые тут же, почти разом бросают на юную, женскую грудь свои взгляды, а затем мгновенно же пытаются их укрыть, собираясь подглядывать незаметно и смотря как бы невзначай.

Однако старушки это тут же замечают, и вот тогда уже на Оливию взглядывают и они. Только, в отличие от стариков, взгляды их приманивает не красота молодой груди, отчетливо заметной в изгибе натянувшейся блузки, а известная степень откровенности, непозволительный проступок особы юной и лишенной всякого стыда, за что достойной поругания.

И не проходит минуты, как старушки во дворе начинают шептаться ровно так, как и предсказала Оливия. Ее подруга за этим уже не следит, и так понимая, что это было слишком очевидно, и только качает головой. А сама девушка спокойно завязывает шнурки, застегивает блузку, надевает обратно пионерский галстук, но юбку так и оставляет лежать на бедрах, просто забыв ее поправить.

– Видишь? Все одинаковые, – без удовольствия сообщает Оливия. – Есть представления, и все пытаются им соответствовать. Кто их придумал? Зачем? А! Какая разница? Главное, что они есть, значит... значит, это кому-нибудь нужно. Понимаешь? Им не интересно знать, что они делают и зачем, они просто живут... по ГОСТу. Как одно большое, дружное стадо.

Виолетта, заметив на лице девушки вновь проявившееся недовольство, тоже изменяется в лице. Гораздо радостнее ей видеть на лице подруги милую улыбку. Оливии она настолько идет, что ее прелестное, строгое, но очаровательное личико, когда на нем появляется улыбка и радостный прищур, трогает даже сердце подруги, отчего Виолетта каждый раз начинает даже слегка завидовать, но и любить Оливию еще больше.

Кроме того, именно вот из-за таких перемен в настроении, которые у девушки случаются время от времени, других подруг, а тем более друзей у нее нет. Это уже само по себе делает Виолетту особенной. Несмотря на все свое безмерное очарование, приближаться к озорной старшекласснице никто не решается, а потому только она, только Виолетта может обитать рядом с девушкой, в которую и сама, пожалуй, была бы не прочь влюбиться несмотря на все запреты.

– Ну, перестань, – упрашивая, отвечает она девушке. – Ты хоть представляешь, в когда они жили?

– В этом и дело, – сразу отвечает Оливия.

Она тут же теряет сердитый вид, а если точнее, то изначально Виолетта ошиблась и лишь теперь сознает, что девушка говорит с каким-то презрением, с недовольством, будто о чем-то мерзком, словно она вновь рассказывает про того прыщавого девятиклашку, который все время пытается затащить ее на прогулку.

– Ты подумай, – продолжает Оливия, – они войну даже прошли. Чего с ними только не было! А их волнует длина юбки.

Тут же она вспоминает про подол, лежащий на бедрах, опускает глаза, но вдруг застывает.

– Ты чего?

– Ничего, – отмахивается девушка, решив, что спрашивать подругу о длине юбки не стоит. А затем она мысленно возвращается к недостаткам общества, которое так расстраивает буйный нрав, ищущий свободы. – Они будто в клетке живут, ты так не думаешь? Ну вот какая разница... да хоть без юбки я буду ходить. Может, мне нравится. Какое кому дело?

Виолетта улыбается.

– А если вон тот старичок будет тут перед тобой голышом прогуливаться....

– Да и пускай! – с живостью отвечает девушка.

Она говорит так ярко, так горячо и страстно, что подруга мгновенно теряет последние черты шутивого настроения.

– Вот, если мне не хочется смотреть, значит я не буду смотреть! – объясняет Оливия. – А им какое дело? Мне бы не хотелось смотреть на этого старика, ну и я бы не смотрела.

– Но ты же все равно бы его видела.

– А это уже были бы мои проблемы, – не поддается девушка. – Не хочешь видеть голых людей, ну так и сиди дома на здоровье. Книги читай. Там даже если разденется кто-то, то смотреть не придется.

Виолетта не может найти способ переспорить подругу, но чувствует, что он должен быть. Это ощущение манит в глубины мыслей, чтобы откопать еще какое-нибудь возражение, но в итоге разговор приходится оборвать так, оставив его необъясненным, и не законченным, и не открытым.

– Нет! Только не он! – вдруг проговаривает Оливия с ужасом.

Виолетта мгновенно отвлекается от мыслей о споре, немедленно разделяя с подругой тревожное чувство, но еще не зная, что его породило. Затем, проследив за направлением взгляда, она быстро находит справа, возле одного из арочных проходов, смазливый мальчишка с каким-то бледным, помятым цветочком в руке.

Юный комсомолец оглядывает двор внимательно и неторопливо, еще не успев добраться до той стороны, где на лавке примостились две очаровательные подруги. Лицо, ставшее плодотворной, богатой почвой для прорастания смачных прыщей, украшенное еще и квадратными, толстыми ободками дедовских очков, отпугивает от юноши других учеников уже не первый год, но несмотря на это, по какой-то одному ему известной причине, щуплый, всеми шпыняемый девятиклассник решил приударить за самой красивой девочкой школы.

Время от времени с Оливией пытался кто-нибудь завязать общение, но это только раньше, а в последние месяцы четыре ее никто уже не донимал, кроме этого прыщавого мальчишки. Почему – трудно сказать. Вероятнее всего, никому не хотелось связываться с особой, которая своим вызывающим поведением завоевала недоверие даже учителей. И никто, в общем-то, и не пытался спорить с тем, что ходить по школе в кроссовках, носить странную прическу, спорить с учителями относительно свобод поведения – все это признаки несоменно отклонений в развитии здорового гражданина. А кроме того, никто не хотел связываться с ребенком служащей Кремля, хоть вслух это и нигде не произносилось.

Впрочем, один только этот мерзкий, очкастый и откровенно тупой мальчуган отставать никак не хотел, будто бы мечтал однажды добиться Оливии, во что бы то ни стало. Разумеется, это ей нравилось с каждым разом все меньше, с каждым разом доставляло все больше неудоб-

ства, а кроме того начинало уже пугать и злить, и девушка всеми силами давно пыталась избегать встреч, но каждый раз настырная клумба прыщей смотрела откуда-то парой коричневых глаз.

– Да он не подойдет, – пытается Виолетта успокоить девушку. – Ты же не одна. Точно не подойдет.

– Если бы!

Оливия уже берет за ручку портфеля, но пока еще старается прятаться за спиной подруги, быстренько поменявшись с ней местами. И все же, едва мальчишка поворачивается, как ему хватает нескольких секунд, чтобы, прищурившись, узнать спрятавшуюся за спиной подруги возлюбленную, смущенно замахать рукой и, укрыв за спиной мятый цветок, с улыбкой двинуться навстречу.

– Нет! – вырывается у девушки разочарованное восклицание. – Все! Увидимся вечером! Как обычно!

Виолетта оборачивается, но успевает лишь сказать: «Ага», – как ее подруга, вскочив с лавки, уже быстрым шагом направляется в сторону второй арки быстрым шагом, раскачивая бедрами, как при спортивной ходьбе.

Да и идет девушка не слишком медленно. Кажется, она пытается делать вид, будто бы не заметила воздыхателя, а просто заторопилась, и стремительно исчезает в направлении другой арки.

Печально опустив брови и плечи, юноша провожает ее взглядом, но следом бежать не решается. Он снимает очки, протирает о рубашку, следом тут же ее заправив поглубже в шорты и измяв цветок еще сильнее, и даже не замечает, что к нему успевает подойти одна из двух школьных красавиц.

– Долго ты еще будешь приставать к моей подруге? – спрашивает Виолетта уверенным тоном.

Мальчишка поначалу замирает, потом начинает заикаться, но больше двух звуков вряд у него сложить не получается, так что девушка, с нетерпеливым вздохом отведя глаза в сторону, уже через несколько секунд прерывает его раздражающие попытки заговорить на человеческом языке.

– В общем так, – отрезает она голос девятиклашки резким, строгим заявлением, – еще хоть раз она на тебя пожалуется, и будешь объяснять моему другу милиционеру, почему ты ее все время преследуешь.

Мальчишка стоит так же, как и стоял, разве что шире открывает глаза, а от красноты белые прыщики на щеках начинают выделяться еще сильнее, отчего Виолетта, не удержавшись, корчится.

– Ты меня понял? Я не шучу! – грозит она пальцем, а сама торопится быстрее уйти.

Вдобавок к жутко неприятному виду, мальчишка создает еще более неприятное впечатление своими манерами. Смущенный, неловкий, пай-мальчик, но неряшливый, с криво заправленной в шорты рубашкой, он впитал все те качества, которые вполне можно было бы счесть за плюсы. Однако, собранные в образе этого мальчишки, они лишь придают ему лишь больше отвратительности.

Комсомолец выглядит крайне нелепо. Виолетта, которая вовсе не хочет его обидеть, скорчив презрительную гримасу, тут же сбегает, уже волнуясь, что зря обидела мальчика, но с другой стороны, не желая позволять ему донимать подругу и дальше.

Девятиклашка же остается на месте, опускает голову, а когда поднимает, то видит переговаривающихся между собой бабулек на одной из ближайших лавок. Три старушки глядят на него с жалобным презрением, будто бы увидели собаку, за которой по дороге тащится, высунувшись наполовину, жирный глист. Даже и они видят проблему в нем, а не в отноше-

нии к нему окружающих. А мальчишка в это время повторяет в уме слова Виолетты, которая неосторожно рассказала чуть больше, чем собиралась.

«Еще раз, да»? – раздумывает мальчик. А сам, опустив голову, лишь сейчас замечает помятый в ладони цветок, расправляет лепестки и аккуратно вонзает его в землю ближайшей клумбы, прежде чем оставить увядать.

Оливия не сразу замечает, что за ней никто не гонится. К дому она идти не решается, собираясь прежде сделать крюк, поскольку надеется, что мальчишка еще не выяснил, где его возлюбленная живет. Так что быстрым шагом удастся пройти мимо нескольких домов, свернуть, пройти дальше, затем еще раз свернуть, но уже во двор, и лишь там, пройдя до улицы, девушка оглядывается, чтобы проверить, не увязался ли за ней этот незадачливый кавалер.

За спиной никого не оказывается, и девушка позволяет себе вздохнуть, а заметив совсем рядом небольшую, чистую скамью, присаживается, чтобы поправить свой вид.

Оливия распускает волосы, но лишь затем, чтобы вновь собрать их в пучок над правым ухом. Правда, теперь уже русский комок поднимается выше и застывает над виском, что означает легкую перемену в настроении девушки.

Устанавливать свое настроение самостоятельно, подчинить его воле – гораздо лучше, чем находиться вечно под его влиянием. Эта привычка закреплять волосы в пучок, как раз стала отличным способом управлять собственными эмоциями. Стоит решить, что настроение сейчас должно быть плохим – и русский комок, подвязанный темной, мешковатой, толстой резинкой, отправляется ближе к правому уху. А стоит подумать, что настроение должно исправиться, как пучок отправляется по дуге к левому уху, в зависимости от того, насколько сильно должно измениться настроение.

Сейчас он поднимается лишь немного. И, что удивительно, тут же немного поднимается настроение. Ведь тому есть разумная причина: разговор с подругой уже и так близился к завершению, хочется есть, а значит, уже пора было двинуться к себе домой, да и прыщавый ухажер не стал преследовать, а значит, можно спокойно идти дальше, и причин расстраиваться нет.

Где-то рядом, кажется, в соседнем дворе кто-то плачет, но голос запутывается в уютном окружении старых стен, а все же отвлекает девушку от мыслей и она, наконец, отыскивает себя.

Поправив блузу, пионерский галстук, спрятав лямки рюкзака, Оливия вдруг застывает взглядом на своих коленках. Затем, стыдливо оглядевшись, она слегка задирает подол синей юбки, так чтобы край вновь оказался на середине бедер, и лишь сейчас обращает внимание на красоту своих ног.

Прежде девушка так на них не смотрела. Ноги, как ноги. А теперь к ней приходит осознание того, что ноги довольно красивые, вернее, даже очень. Впрочем, не скромность мешала девушке рассмотреть в себе эту красоту, а необычный взгляд на мир, ведь она совершенно искренне не задумывалась о своей красоте, поскольку не встречала ни одного мужчину, который бы сумел вызвать у нее хотя бы слабое чувство симпатии. Никто еще в ней не сумел пробудить даже самый обычный интерес, а потому и собственная красота не имела еще никакой ценности.

И теперь девушка оглядывается. Стоило забежать во дворы, проскользнуть в какой-то переулок, как вот уже вокруг эти самобытные виды московских дворики, бережно охраняющих наследие старых времен.

Большие дворы, красивые, свежие домики с гладкими стенами и яркой краской не такое уж редкое зрелище, а вот забраться в такой дворик, усестся на лавке, сколоченной из старого дверного полотна, обнаружить густые заросли деревьев, загородивших стены пятиэтажки – событие почти всегда случайное. Хотя и то, что таких мест мало сказать нельзя, но все они как-то остаются вне поля зрения.

И внезапно, проведя взглядом по красивому, состарившемуся убранству тупичка, девушка замечает лежащий на земле, потертый кошель.

Пионерский галстук будто бы начинает давить на горло сильнее. И ясно, почему. Сразу же, мгновенно рождается желание этот кошелек поднять и заглянуть внутрь.

Благородные мысли вяло, но пытаются все же пробиваться в ум. Комсомольский дух хочет подсказать, что надо отнести находку в милицию, если окажется, что кошелек не пустой...

Только есть проблема. Дело в том, что уже за десяток шагов девушка ясно видит, что кошелек плотно набит, буквально готов лопнуть от набитого в него содержимого. И совсем не какое-нибудь гнусное желание зовет поднять его и заглянуть внутрь, а простой интерес, любопытство, а кроме того это волшебное чувство внезапно, совершенно неожиданно отысканного клада.

Быстро осмотревшись, Оливия убеждается, что вокруг никого. Да и здесь, наверное, вообще редко можно отыскать людей. Забитый в тупик между высотками дворик, заканчивающийся старым, деревянным домиком, просящимся под снос, вряд ли приманивает большое количество туристов. Скорее, здесь вообще никого, кроме жильцов и госслужащих, не бывает и быть не может, разве что они забегут так же случайно, как это сделала девушка.

А толстый кошелек так и манит его скорее поднять, пока кто-нибудь не объявился. Да и сердце зачем-то колотится, мешая спокойно думать. А, кроме того, заметить кошелек никак нельзя, поскольку лежит он на вытоптанной тропе между обвисшими ветвями деревьев, и взгляд обращается к кладу лишь потому, что девушка села на лавку из дверного полотна.

Больше Оливия не выдерживает. Теперь начинает казаться, что в любую минуту кто-нибудь может появиться. Наконец, хотя бы тот, кто потерял этот кошелек. Набрав воздуха, она поднимается и идет забрать находку, успокоив совесть тем, что это в любом случае необходимо сделать.

Пожалуй, человеку, который не мечтал отыскать клад, гораздо легче для себя определить, что сделать в такой ситуации. Только вот девушка к таким людям не относится. С детства самыми интересными, самыми захватывающими дух историями для нее были те, в которых герои искали сокровище. Теперь она будто сама оказывается в такой истории, и причем наяву, да еще и в главной роли.

И вот кошелек оказывается в руках, и сердце тут же начинает биться еще торопливее, словно желает перевыполнить трудовой план по количеству ударов на день. А кошелек оказывается толстым, набитым под завязку, и еле помещается в руку.

Тут же девушка стремительно оглядывается, желая отыскать любопытный взгляд какого-нибудь случайного наблюдателя, но кругом по-прежнему никого. И, увлеченная очень странным чувством стыда, Оливия торопится поскорее вернуться обратно на лавку, чтобы иметь возможность заглянуть в кошелек незаметно и уже тогда спокойно изучить его содержимое.

Потертый, толстый и явно старый кошелек, как подсказывают девушке ее знания, должен явно принадлежать старушке. И, кажется, это должно означать, что внутри, как минимум, совсем немного, но кошелек набит так, что едва не лопаются ткань, на которой висят клочками следы кожама.

Выяснить можно только одним способом. Поместив кошелек в юбку между ног, чтобы можно было в случае чего быстро спрятать, девушка еще раз осматривается и лишь тогда, с почтением и осторожностью, медленно открывает кошелек, разомкнув металлическую защелку.

И тут же ее ждет разочарование в виде букета разноцветных фантиков. Ближе к середине они уложены аккуратно, расправлены, а по краям смяты, будто их затолкали, как получится.

Впрочем, деньги внутри тоже оказываются, хотя Оливия их не сразу замечает и даже чуть не упускает из виду это обстоятельство. Внизу кошелька отыскивается почти десять рублей, что даже изумляет, ведь комсомолка и сама редко носит с собой деньги. Во всяком случае, больше пары рублей обычно и не нужно таскать с собой, а тут почти десять в кошельке с фантиками. Какое-никакое, а все же найденное сокровище.

Сунув кошелек в сумку, девушка остается сидеть, потому что теперь, услышав все тот же детский плач, доносящийся откуда-то из соседних дворов, она вдруг слышит его иначе, чем немногим раньше. Теперь сам плач кажется другим, потому что он сообщает новые подробности: возможно, это тот самый ребенок, который потерял целое состояние, ведь десять рублей – это для любого ребенка неисчерпаемое сокровище.

Даже интересно было бы узнать, откуда у детей столько денег. Вроде бы, светлое социалистическое будущее еще не наступило, хотя и приближается стремительно, и обещает совсем уже скоро изменить весь окружающий мир, но пока оно все еще недостаточно овладело действительностью, чтобы можно было принять наличие у ребенка такой суммы, как совершенно естественное обстоятельство.

И увлекшись мыслями, девушка едва не забывается, а теперь оглядывается снова и рассматривает тупик, в котором оказалась, уже внимательнее. Здесь стоит деревянный сарай. Дерево черное, словно обожженное, но сарай цел. Над ним густой тучей нависает зеленая лапа старого дерева. Лавку окружают кусты, рядом стоит москвич, и видна лишь дверь в подъезд двухэтажки, а кругом будто ничего больше и нет. Звуки машин и людей доносятся с улицы неопределенным эхом, не разрешающим угадать направление, и создается удивительная атмосфера. А затем из подъезда выходят две женщины, и Оливия тут же встает и торопится уйти.

Как раз в соседнем дворе плачет ребенок. Мальчик, сев в песочнице и раскинув ноги, плачет, задрав голову к небу. Вокруг ходят люди. Одна женщина, проходя мимо, даже не сдерживается, подходит и спрашивает мальчишку о чем-то, но затем встает и уходит, а отсюда, из-за угла, комсомолка не может расслышать их разговор.

Наконец, прислонившись к стене, в мыслях ощутив спрятанный в рюкзаке толстый кошелек, девушка выдыхает слегка даже недовольная тем, что простояла так долго, все еще не сделав очевидный вывод. А следом она, помотав головой и таким образом выразив недовольство собственным поведением, выходит из-за угла и направляется к мальчику.

– Ты чего сопли развесил? – звучит приятный голос.

Перестав рыдать, мальчик открывает глаза и видит перед собой такую красивую, такую ослепительную особу, что даже и ему, всего лишь ребенку, становится даже интересно. Он протирает глаза, а затем взглядывает на Оливию уже не заплывшим взглядом и от удивления открывает рот, впервые увидев настолько красивую девушку.

– Ну? Чего застыл? – улыбается комсомолка.

– Я... я... поте... ря-ха-ха-л! – не выдерживает мальчик.

– Ну-ка не реви, – отвечает девушка строгим тоном.

Ребенок на удивление быстро успокаивается, хотя и продолжает шмыгать, а Оливия, смягчив выражение, продолжает расспрос.

– Что потерял, расскажешь? Вдруг я видела где-нибудь.

– День... день... гу... – продолжает мальчик шмыгать.

– Не деньгу, а деньги.

– День... ги... – ставит мальчик ударение на последний слог, но девушка решает уже его не поправлять.

– Просто деньги? – старается Оливия незаметно расспросить мальчика о кошельке. – Или еще что-нибудь?

– Да... – шмыгает тот, утирая слезы. – Деньги... и... фантики... и... бабушкин... коше-хе-хе-хе!

Не выдержав, он начинает реветь, но девушка уже получила всю нужную информацию, а потому успокаивает ребенка она вновь строго.

– А ну не реви, я кому сказала, – добрым, но строгим тоном велит она мальчику. – Ты же мужчина. На вот, нашла я твой кошелек.

Мальчишка сразу же перестает рыдать, протягивает руки, а Оливия почти отдает находку, но вдруг резко оттягивает кошелек на себя.

– А плакать больше не будешь? – спрашивает она, и лишь получив обещание больше не реветь, отдает кошелек, улыбается и, растрепав мальчику волосы, уходит.

Может, ее бы и не выгнали, но взглядов незнакомок было достаточно. Выйдя со двора и вернувшись на улицу, девушка отправляется в сторону дома. Нужно пройти до светофора, затем перейти на другую сторону, дойти до первой девятиэтажки, а там повернуть во двор. Там вытоптанная тропа, окруженная травой, проведет до арки, снова нужно будет перейти улицу, и за еще одной аркой будет ждать родной двор. И на протяжении всего пути девушку будут сверлить глазами прохожие.

Именно поэтому люди доставляют столько неудовольствия. Ничего ужасного в форме комсомолки нет. Юбка не слишком короткая, носят и меньше, блузка не расстегнута, только прическа странная, но уж это никого волновать не должно. А все же что-то во внешности Оливии привлекает взгляды, и кажется, будто эти взгляды зачастую слишком уж недовольные.

Так и происходит. Вернее, конечно, недовольно глядят обычно только женщины, но мужские взгляды не хочется видеть тем более – ничего хорошего в них тоже нет. В какой-то момент девушка едва не решает даже снова поправить свою прическу, но оставляет эту затею и продолжает идти.

Быстрым шагом она пересекает улицу, дворы, выходит к арке, переходит еще одну улицу, а затем оказывается у дома, но едва попадает в этот тоннель, наполненный тенью и прохладой, как тут же застывает.

На том конце арки как раз появляется местная шпана. Обделенные приятными обязательствами, эти выросшие, но не повзрослевшие дети могут оказаться здесь в любое мгновение. Чаще их можно встретить ночью, когда мрак заменяет людям маски, но они так же запросто могут появиться и днем, и даже утром, если только для этого возникнет необходимость.

Впрочем, лишь на миг девушка застывает, а после, опустив взгляд, отправляется по арочному тоннелю в свой двор, верно полагая, что хулиганы, как вампиры, при свете дня не очень опасны. Хотя, это не означает, что в дневном свете они не доставляют никаких неудобств.

Поначалу все идет спокойно. Кажется, сейчас уже пройдут. Неприятно, что все замолчали, перестали смеяться и явно тарашатся, но глаза поднимать на них не хочется, будто взгляд навсегда измажется о них грязью.

– Оп! – вдруг бросает один из юношей руки.

Вздрогнув, Оливия отступает на шаг, а затем все же поднимает глаза и смотрит хмуро и недовольно.

– Хе-хе! Не бойсь, – поправляет юноша кепку. – Солдат ребенка не обидит! Ха-ха!

Все пятеро, толкая друг друга в плечо, хихикают, один похлопывает себя по затылку, двое не высовывают рук из карманов, но юноша впереди, который руками преградил путь, явно лидирует. Когда он перестает смеяться и, кивнув, предлагает идти дальше, то и остальные расступаются.

Оливия проходит мимо и тут же слышит хохот и свист. Разумеется, она догадывается о том, что происходит за спиной, воображает неприятные взгляды, а сама ускоряет шаг и проходит во двор.

Впрочем, радоваться приходится недолго. Она не сразу замечает, что на лавке возле подъезда уже ждет прыщавый ухажер, а потому идет какое-то время быстрым шагом, а затем поднимает голову, видит девятиклашку, останавливается, вздыхает, но тут же и сознает, что обойти его никак не удастся.

Когда боя избежать нельзя, то принимай его с честью. Эта мысль, почерпнутая из какой-то книги, давно уже маячила в памяти, но только применить ее было не к чему. И вот, случай подвернулся сам, а заодно и мысль тут же проснулась и ожила в сознании. Так что девушка

вздыхает, набирает полную грудь, и решительным шагом направляется к подъезду, собираясь все немедленно закончить.

Пройти мимо, как и следовало ожидать, не получается.

– Привет! – вскакивает мальчик с лавки.

До последнего хотелось надеяться, что он все же не заговорит, постесняется или даже не заметит, но Оливия была готова, а потому она останавливается, поворачивается, но, разумеется, не подходит.

– Чего тебе? – не скрывает девушка недовольства.

Она ни за что не станет претворяться, чтобы не обидеть мальчика. Всего два года разницы – огромный промежуток, который превращает этого ухажера в обычного мальчишку в глазах девушки. С ним не о чем говорить, он не интересен, он отвратительно выглядит и еще ничего не знает. Для Оливии это просто мальчик, который неспособен ее заинтересовать, ведь даже гораздо более интересные персоны, да даже и книжные герои еще не бывали настолько удивительными, чтобы девушка могла в них влюбиться. А уж у этого мальчишки нет ни малейшего шанса.

– Э... хе, – улыбается тот смущенно, но вовремя берет себя в руки. – Можешь посидеть рядом... э, нет! Я хотел сказать, присядешь?

У него всегда была странная манера выражаться, но девушке она до сих пор, разумеется, незнакома. Возможно, только это сбивает ее с толку, и Оливия чуть не соглашается.

– Говори, чего хотел, – отвечает девушка, уже сделав шаг, навстречу, но тут же остановившись.

Комсомолец опускает голову.

– Обсудить... э, поговорить.

На миг виснет молчание.

– Мне некогда. Я пошла.

– Э... нет. Постой! Оливия!

Девушка сразу оборачивается. Все дело в том, что зовут ее, разумеется, не Оливия. Разве же во всем СССР найдется хоть один человек, который бы решился дать своей дочери такое имя? Возможно, что именно из-за привычки называться только так и никак иначе, девушка и заслужила все эти неодобрительные взгляды знакомых, которые теперь ей мерещатся повсюду, и даже в лицах тех, кого она никогда в жизни не видела.

И вероятно, именно поэтому она все же останавливается и даже немного смягчает голос.

– Говори, чего хотел, или я пойду.

И мальчик, помяв за спиной цветок, протягивает его своей возлюбленной.

– Не люблю цветы, – отвечает девушка.

Комсомолец виновато опускает глаза, откладывает цветок на край лавки, а сам присаживается рядом. Миг утопает в тишине, а за ним готовится пропасть следующий. Оливия собирается уже уйти, но мальчик на этот раз догадывается завязать разговор.

– А ты знаешь, что прежде я жил не в Москве? – вдруг спрашивает он.

И тут же девушка вздыхает, подумав, что нужно было все-таки уйти, но мальчик торопится исправиться.

– Я это к тому, – встает он с лавки, – что в селе, где я жил...

Внезапно он понимает, что самолично очернил свой образ в глазах самой прекрасной девушки такой нелепой подробностью, но затем даже улыбается. Оливия – совершенно особенная. Любая школьница на ее месте была бы окружена подругами и друзьями, весело проводила бы с ними время, а она ни с кем, кроме одной только Виолетты, не общается. Она знает то, что знает и он, этот приставучий ухажер: она знает, что люди все одинаковые.

– Я давно там жил. Маленьким, – объясняет комсомолец. – И, знаешь что, все говорят одно и то же! Говорят, что надо ехать в Москву, а там делать нечего... Я думаю, что везде так. Везде одно и то же говорят...

– Ну и что? – перебивает девушка.

– Ну... это... забавно, не правда ли?

Улыбка на лице мальчишки ничуть не красит его выражение. Наоборот, сдвинувшись ближе на складках кожи, прыщи кажутся еще заметнее, а желтоватые зубы еще больше портят и без того ужасную картину, и Оливия не выдерживает.

– Я пошла.

– Постой, Оливия!

Второй раз уловка не срабатывает. Девушка останавливается, поворачивается, но теперь уже не сдерживает одолевшее ее недовольство и решается все высказать.

– Послушай, мальчик! – перебарывая отвращение, говорит она. – Больше не заговаривай со мной, ясно? Я не хочу говорить ни с тобой, ни с кем-нибудь еще, тебе понятно?

Девятиклассник опускает глаза, но не отвечает, только собеседница его ответа и не ждет. Потратив миг, она разворачивается и сразу же уходит, а мальчик опускается на лавку, берет цветок, кажется, ищет взглядом палочку, но потом взглядывает зачем-то в сторону арки, где на него с ехидной, недоброй улыбкой смотрит местная шпана.

Нетрудно угадать, что хулиганы с ним сделают после того, как мальчишка отправится к арке. Пожалуй, что его не спасет от их нападков даже и дневной свет. И внезапно рассердившись, комсомолец со злостью бросает сорванный цветок обратно в клумбу.

– Люди все такие одинаковые, – сообщает он пробежавшую в сознании мысль.

Глава вторая

Всепоглядывающая индивидуальность

А новый день, как и всегда, обновляет мысли, будто события вчерашнего дня теперь уже не имеют никакого значения. Впереди еще целое множество новых забот, а потому ушедший в прошлое день незаметно встраивается в общую картину пережитых событий, наполнив ее подробностями, но на этом и заканчивается, ведь вряд ли удастся отыскать в старом дне хоть капельку чего-нибудь нового.

Конечно, забывать его тоже рано. Вспоминается разговор с подругой, школьный день, взгляды окружающих, недоверчивое отношение знакомых, и вчерашняя мысль еще немного закрепляется в голове застывающим раствором из смешивающихся в памяти событий.

«Люди все такие одинаковые», – повторяет эту мысль Оливия, после чего, закрепив пучок волос над левым ухом, заразив себя хорошим настроением, она отправляется на кухню.

На столе уже ждет тарелка с кашей, бутерброд с маслом, на котором мама заботливо, аккуратно разложила кусочки чеснока и посыпала соль. В центре стола на тарелочке лежат вареные яйца, а перед ними стоит кружка свежего киселя.

Оглядев завтрак, девушка берется за пучок волос, собранный над левым ухом, но закреплять его выше все же не решается и принимается есть.

– Оля, как в школе дела? – спрашивает мама добродушным голосом.

Девушка тут же роняет ложку в тарелку, не сдержав бурление подросткового недовольства.

– Мам, я же просила, – говорит она спокойно, хотя внутри уже зарождается буря недовольства.

И мама, пожалуй, могла бы даже извиниться, что назвала дочь настоящим именем, а не так, как девушка предпочитает себя величать, но тут откладывает газету отец, почти допивший свой кофе и готовый вскоре отправиться на работу.

– Оля, не начинай, – говорит он спокойным, но уверенным, строгим голосом. – Вбила себе в голову...

– Вот сам и не начинай, – обижается девушка и сгибается над тарелкой.

Аппетит внезапно покидает ряды играющих чувств, исчезает где-то в кладовой эмоций и ощущений, откуда появляться уже, видимо, не собирается.

– Ну, ты еще пообижайся, – зачем-то делает отец замечание.

Трудно сказать, встал ли он не с той ноги, или же это отголоски проблем вчерашнего дня, но обычно мужчина не бывает таким резким. Во всяком случае, обычно приходится заговорить о школе и рассказать про очередную двойку по поведению за спор с учителем, а сейчас он вдруг заводится сам, да еще и почти без причины.

– Между прочим, мы тебе имя не просто так это давали, – объясняет он дочери.

Зачем – не ясно. Видно, что девушка всеми силами пытается не слушать, но жар отцовского негодования не позволяет останавливаться.

– Надоело уже, если честно, – спокойным голосом оканчивает мужчина высказывать свои мысли. – Постоянно домой со школы звонят. Думаешь, приятно все это выслушивать?

– Ну так и не выслушивай! – поднимает Оливия лицо.

Со звоном уронив ложку в полупустую тарелку, девушка поднимается из-за стола, на последних словах не выдержав напряжения, постепенно копившегося в мыслях, пока говорил отец.

В ответ он тоже повышает голос.

- А кто будет выслушивать?!
- Да никто!
- Оля, стой!

Мужчина не успевает. Стукнув ладонью по столу, он лишь смотрит, как дочь уже мелькнула в коридоре и скрылась за дверью комнаты. А затем она быстро проходит обратно в коридор, наскоро одевает босоножки, и прежде чем отец среагирует, девушка оказывается уже в подъезде.

- Миш, ну зачем? – тихим, жалостным голосом спрашивает его жена.

Отмахнувшись, он не сразу отвечает, молчит, кажется даже, что не хочет говорить на эту тему, но с выдохом заговаривает.

- В цеху у нас шутят все время, – рассказывает он. – Мол, вот теща, то, да это... А.

Отмахнувшись и успокоившись, махом выпив остатки кофе, он поворачивается снова к жене, вместо того, чтобы отправиться на работу.

- Ты права была, что в честь твоей матери назвали, – продолжает он. – Агафьей бы ее звать... Я мать любил, но имя у нее, сама понимаешь.

Помолчав еще, он, наконец, не сдерживается и вновь начинает говорить на повышенных тонах, время от времени размешивая воздух над головой строго вытянутым, дрожащим от напряжения, указательным пальцем.

- Без твоей матери мы бы сейчас где были, а?! Вот скажи! Да чего там! – ударяет мужчина ладонью по воздуху. – Я твою мать не меньше своей уважал... И уважаю! А эта... вымахала...

Женщина откидывает на плечо фартук, а сама подходит к мужу и берет его за плечи, жалобно играя бровями.

- Миш, да что с тобой? Что случилось?

Мужчина вздыхает и опускает глаза.

- Врач звонил вчера. Из больницы... ну, из той больницы...

Мать Оливии тут же садится напротив, пододвинув стул.

- И?!

- Сказал, – продолжает мужчина, – если не исправится, то в институте наблюдаться должна будет. Вот так. Все, кончились игры.

И женщина, вздохнув, закрывает рот ладонью, продолжает держаться за руку мужа, а затем он, успокоившись, обещает ей, что все непременно наладится и тут же уходит на работу.

Оливия в это время быстрым шагом выходит из подъезда. Волосы она на ходу начинает собирать в пучок на макушке. На затылке он никогда не оказывается, да и на макушке бывает тоже редко, чаще либо с одной стороны, либо с другой. Может, поэтому две старушки, уже оккупировавшие короткую лавку у стола в центре двора, обе молча таращатся на девушку, неодобрительно качая головами, когда та затягивает резинкой пучок русых волос.

- Ишь, – бурчит одна из них тихонько. – Кто ж так делает-то? Погляди.

Видимо, от старости она не чувствует расстояния и громкости, а потому слова добираются до слуха девушки, не встретив ни малейшего препятствия, и Оливия торопится исчезнуть в тоннеле арки, чтобы скорее покинуть этот неуютный двор.

- Опа! – тут же встречает ее компания друзей, постоянно донимающих красавицу своими приставаниями. – погоди! Слышь? Да потише ты!

Девушка пытается идти дальше, не отвечает, даже не смотрит, но один из хулиганов, тот, что всегда разговаривает за остальных, высокий, шуплый, в кепке и с сигаретой, которой он часто дымит в этом переходе, загромождаст ей проход.

Остается только обходить, но тогда юноша обгоняет и снова преграждает путь, так что Оливия двигается медленно, вынужденная бродить по арочному тоннелю из стороны в сторону, как по детской полосе препятствий.

– Да ну чего ты? – смеется хулиган. – Мы тут вчера ботана этого нахлобучили, так что он больше доставать не будет!

Девушка встает на месте, поднимает глаза, но быстро гонит прочь свое беспокойство.

– Э-э! Постой! – снова преграждает хулиган дорогу.

Остальные ждут за спиной, только смеются, но даже не идут следом, лишь наблюдают. А этот, время от времени поглядывая на друзей, кивая им, подмигивая или улыбаясь, никак не дает уйти.

– С дороги. Дай пройти, – наконец, говорит ему Оливия.

И юноша сразу выпрямляет спину, затягивается еще разок и бросает папиросу в стену, прижав ее указательным пальцем к большому, а затем пустив ударом ноги.

Ворох искр разлетается красноезвездным облаком на темном фоне поштукатуренной стены и тут же исчезает, растратив миг своего бытия на вспышку, а папироса остается вонять в углу у стены.

– А ты поцелуй, – наклоняется юноша, играя бровями, – я и пропущу.

Застыв на миг, девушка нахмуривается, а затем снова пробует обойти хулигана, но он преграждает ей дорогу, а затем снова, и больше не дает продвинуться ни на шаг вглубь тоннеля.

Вокруг, как назло, никого. Еще рано. На той стороне арки, по улице еще не ходят люди. Здесь они вообще ходят нечасто, но утром на улице бывает совсем пусто. Обычно это радует, но сейчас кажется жуткой несправедливостью.

– Уйди с дороги, – говорит Оливия взволнованным голосом, стараясь не выдавать свою тревогу. – Я опоздаю.

– Тогда поцелуй, и я тебя пропущу, а? – Юноша подставляет щеку. – Я тебя от этого прыщавого спас? Спас. Наградить ты меня должна? Должна!

Хихиканья за спиной ужасно раздражают, но в то же время тревожность лишь разрастается от этих противных усмешек. Слышно, как хулиганы плюются, оставляя на асфальтированном покрытии тошнотворного вида пятна, медленно высыхающие на мягком, весеннем солнце.

Вообще, девушка знает, как ответить, но слишком боится. Вокруг никого, она убежала из дома слишком рано, а теперь, ко всему прочему, соврала хулигану, что опаздывает. Не может же он быть настолько туп, чтобы не понять? Впрочем, не важно. Кругом никого. Остается надеяться, что появится...

Тут же вспоминается, что отец должен выйти на работу. Нужно только его дождаться. И осознание этого придает уверенности. Бояться нечего.

– Да ладно тебе, чего ты ломаешься? – улыбается юноша. – Думаешь, я про тебя ничего не знаю?

Оливия напрягается, все еще не оставляет попыток обойти хулигана, но лишь затем, чтобы потянуть время и дождаться отца. Только бы он ее заметил, только бы не пошел в сторону другой арки.

– Да не ломайся ты! – продолжает юноша. – Мне в школе друзья твои все рассказали!

Он как-то странно подмигивает своим товарищам, а девушка после этих слов даже нахмуривается, забыв про беспокойство.

– У меня нет друзей! – говорит Оливия резко изменившимся голосом. – Пусти!

– Охо-хо-хо! Нет друзей! – передразнивает хулиган. – Это мы знаем уже, что нету! Ха-ха! Друзей нет! Одни любовнички! Ха-ха! А?

Девушка едва не бросается в драку впервые в жизни. Становится дико обидно за такие незаслуженные оскорбления, но вдруг, приходит осознание того, как быстро все переменялось. Только что она сидела за кухонным столом и терпела недовольство, обижаясь на родителей, как уже в мыслях надеется скорее увидеть отца, с которым только что поссорилась. Жизнь, похоже, любит шутить, ставя подножки в самый неудобный миг и переворачивая все с ног на голову.

– Да ладно тебе, кончай ломаться. – Юноша тоже говорит уже другим тоном, спокойнее, тише, но от этого легче не становится, а даже наоборот. – Я ж ничего не говорю. Ты девка симпатичная. Мы парни тоже ничего.

Он подмигивает, за спиной посмеиваются, хихикают и плюются, а Оливия теперь понимает, как смотрят на нее окружающие. Сейчас она не думает, могла ли чем-нибудь заслужить такое отношение, или хулиган и вовсе придумал все от начала и до конца, сейчас просто становится обидно, и это чувство затягивает ум непроглядной тучей, словно закрывает ясное небо.

– Вот с друзьями и целуйся, раз они такие «ничего».

Девушка отвечает зло и резко, но лишь миг спустя, едва выпустив последний звук, осознает и сама, что лучше было бы молчать. Да и хулиган начинает хмуриться и, кажется, будто он уже и не испытывает никакой симпатии, глядит сердито, и от этого становится боязно.

– Уйди с дороги, – повторяет девушка, но уже не так уверено.

Хулиган в ответ хватается за руку.

– Что? Тот прыщавый тебе больше нравится?

– Отстань! Отпусти!

Оливия еще не кричит, только повышает голос, но уже едва сдерживается, да и юноша продолжает напирать, чем еще сильнее пугает.

– А то что?!

– Помо!..

Едва она начинает кричать, и хулиган реагирует мгновенно. Двинувшись рывком вперед, он закрывает Оливии рот ладонью, второй рукой обхватывает ее и прижимает к себе.

Комсомолка начинает дрыгать коленками, но попадает лишь в бедро, да и то не с размаха, а потому вырваться у нее не выходит. А затем она кусает ладонь, но успевают подскочить еще двое, и теперь уже ее держат втроем, а какая-то сволочь еще и додумывается в такой миг схватиться за задницу.

Пищать сквозь закрытые губы выходит с трудом, а после тут же Оливии закрывают еще и нос. И все, больше девушка ничего не пытается сделать, ожидая, что шанс на спасение появится сам.

Сердце колотится так бешено, что пульс отдается в шее, будто стучит оно там, где-то в горле. Сделать уже ничего нельзя, и это очевидно. Нельзя вырваться лишь потому, что хочется, остается надеяться, что все обойдется, что эти сволочи не настолько тупы, чтобы попытаться ранним утром похитить человека, да еще и школьницу.

– Эй, – зовет чей-то спокойный голос.

Все трое хулиганов оборачиваются разом на звук, а вместе с ними и Оливия, которая даже не пытается вырваться или закричать снова, удивленная и напуганная, она просто стоит и глядит на силуэт незнакомца, появившийся в затемнении широкой арки.

– Пусти девчонку, – таким же спокойным и уверенным голосом продолжает незнакомец.

Хулиган усмехается, оборачивается к товарищам, и те двое, что оставались позади и не трогали Оливию, тоже подходят ближе. А поскольку реакции не следует, то незнакомец делает два размашистых шага и оказывается почти на расстоянии вытянутой руки.

– Слушай сюда, шпана, – говорит он строже, – отпустили девчонку. Быстро!

Как ни странно, но на этот раз никто не усмехается. Более того, Оливию действительно отпускают, и даже она сама не может поверить, что хулиганы так легко подчинились незнакомцу.

– Иди сюда, – протягивает он руку.

Девушка тут же выбирается из окружения хулиганов, берет незнакомца за руку, а после он рывком подтягивает ее к себе и тут же прячет за спиной.

– Иди, в школу опоздаешь, – добавляет незнакомец.

Из-за того, что все происходит так стремительно, едва удастся рассмотреть его лицо. Испуг покрывает зрение легким туманом, и Оливия начинает отступать назад, но все еще смотрит, надеясь увидеть лицо еще раз. Мужчина в футболке и брюках, в пиджаке и в кепке-хулиганке, не очень высокий, мускулистый, но не здоровяк, широкоплечий, расслабленно-сутулый, перед хулиганами стоит уверенно, а те впятером таращатся на него, но броситься вперед не спешат. Заговорить они тоже не торопятся, а потому снова раздается этот приятный, спокойный, уверенный голос.

– Я бы вас отпустил, но... давайте, нападайте.

Голос ничем не примечательный, не высокий и не низкий, не хриплый, без характерных черт, самый, казалось бы, обычный, но Оливия запоминает его мгновенно, но сейчас ни о чем не думает, беспокоясь о судьбе внезапного спасителя. Выйдя из арки, девушка выглядывает из-за угла, желая убедиться, что с незнакомцем все непременно будет в порядке.

А дальше происходит что-то невероятное. Незнакомец в несколько мгновений, играючи расправляется со всеми хулиганами. Едва главный бросается вперед, как незнакомец тут же уклоняется от его кулака, проскальзывает вперед, еще даже не вынув одну руку из кармана, ударяет в ответ, и хулиган тут же сваливается на землю.

Оставшиеся четверо сразу бросаются вперед. Сердце Оливии начинает биться даже сильнее, чем совсем недавно, когда ее схватили хулиганы. Под носом еще это неприятное чувство, будто отпечаток руки этого барагоза, но сейчас девушка об этом почти и не думает. Сейчас она вовсе ни о чем не думает, а просто смотрит за тем, как спасший ее незнакомец расправляется с целой бандой хулиганов.

После того, как мужчина сваливает первого, он уже высовывает из кармана и вторую руку, наклоняется, а затем ударяет в голову одного, и сразу после второго. Оба падают. Третий заминается, за что немедленно расплачивается: его незнакомец валит на землю ударом снизу.

И остается лишь один. Заметно, как он боязливо осматривает четверых товарищей, лежащих на земле, и лезть в драку явно не торопится. И все же, незнакомец оборачивается к нему и делает жест рукой.

– Нападай.

Хулиган тут же поднимает кулаки и бросается вперед, и ему достается даже больше остальных. Увернувшись от его неуклюжего удара, мужчина проворачивается на месте, толкнув юношу, успевает поймать за край футболки, рывком поворачивает к себе, а сразу после уже заносит ногу и ударяет с разворота в живот.

Тут же хулигана отбрасывает к стене, и от удара такой силы он мгновенно теряет сознание. Незнакомец же, будто чувствует взгляд, сразу оборачивается в сторону Оливии, но она быстро прячется за углом.

Открыв рот от удивления, девушка призывает воображение оживить только что увиденную картину, чтобы убедиться, что это не было видением. Иного способа нет. Этот последний удар ногой отбросил хулигана метра на два, да и тот еще и ударился в стену, а иначе пролетел бы даже больше. Какая-то нелепая фантазия из тех бестолковых фильмов, которые тайно показывают на пленках зажиточные друзья. Как-то раз и Оливия видела несколько таких картин, но ничего приятного в них не обнаружила, как и в хвастовстве депутатского сынишки, пытавшегося залезть к ней под пионерский галстук.

Впрочем, сейчас это все никакого значения не имеет. Нужно бежать, пока незнакомец ее не заметил. Прошло всего мгновение после того, как он нанес удар, так что он не успеет вырваться из арки, не может, как вдруг, именно это и происходит.

Не успевает Оливия сделать шаг, как вдруг из-за угла появляется этот мужчина. Он смотрит с недоумением на испуганную девушку, но потом заговаривает спокойным, уверенным тоном, и тут же становится немного легче.

– Ты почему осталась? – спрашивает он. – Иди в школу.

Оглянувшись в арку, он чуть наклоняется.

– Не волнуйся. Больше они не будут приставать.

Это лицо Оливия запоминает сразу. Уж слишком легко взбудораженный страхом ум делает в памяти слепок появившегося чуть ли не в последний миг спасителя. И все же, кивнув, девушка сразу отправляется в школу, стараясь не оборачиваться и не замедлять шаг, но все равно не удержавшись и посмотрев за спину.

Незнакомец, сложив руки за спиной, отправляется в другую сторону, но тоже оглядывается. Становится так неловко, что сердце вновь начинает биться скорее, но уже не из-за страха, а из-за незнакомого прежде волнения.

Хотя, конечно, никаких фантазий девушка не мусолит в голове. Волнует ее то, что произошло в арке, и, да, никак не забывается незнакомец, но беспокоит еще и потому, что удар такой силы, удар, который может отбросить человека на несколько метров, а то и больше, не может остаться без последствий. Страшно подумать о том, что будет, когда придется вернуться в родной двор.

Только вот остальной мир не собирается изменяться лишь потому, что Оливия не в настроении. По дороге ее, как обычно, перетирают взглядами прохожие. Девушка все больше хмурится, а когда приходит в школу, то еще остается ждать открытия, и здесь остатки посторонних мыслей окончательно стираются.

Кроме нее, первыми к школе приходят отличницы, разные ботаники, заучки и те, кто живет уж слишком далеко и вынужден добираться на электричках и автобусах, привязанных ко времени прибытия и отправления. Здесь девушка оказывается под обстрелом хищных взглядов детей. Безжалостно и совершенно без зазрения совести они награждают Оливию самыми презрительными взглядами, обсуждая ее полупшепотом в узких кружках приближенных, но в то же время делая это будто бы напоказ, откровенно, чтобы у девушки не возникало никаких сомнений в том, что школьные любимчики обсуждают именно ее.

Наконец, потеряв терпение, девушка распускает волосы. И даже те, кто миг назад обсуждал самые отвратительные выдуманные подробности жизни Оливии, теперь застывают на утренней красоте этого чудесного образа. Солнце, еще не успевшее подняться слишком высоко, падает ярким, режущим глаза лезвием ровно на плечи девушки. Из-за этой полоски света, пробивающегося между высотных домов, окружающих здание школы, волосы по обеим сторонам шеи будто подсвечиваются. А сама Оливия глядит куда-то в землю печальным, томным взглядом, не желая видеть все множество окружающих ее детей, взглядом отрешенным и усталым, словно взгляд человека познавшего истинные тяжести жизни.

Ее красивое лицо, обрамленное разделяющимися локонами тонких русых волос, кажется еще привлекательнее, но девушка неизменно тут же прячет эту красоту обратно, решив собрать пучок ближе к левому уху. Правда, тут же возникает проблема. Уже собравшись затягивать резинку на левой стороне, девушка вспоминает неожиданно того странного мужчину. И, вроде бы, он сделал что-то ужасное. Не может быть, чтобы тот удар обошелся только ушами. Вряд ли даже, что одними переломами. Скорее всего, последствия будут гораздо тяжелее, но в то же время поведение этого человека, его уверенность и смелость завораживают. Ведь, если подумать, то он не задумываясь нарушил самые важнейшие общественные законы, нарушить которые не осмелилась бы даже сама Оливия.

И девушка в итоге закрепляет пучок волос над правым ухом, даже слегка улыбнувшись. Разумеется, незнакомец не покидает мыслей совсем не потому, что возможно совершил преступление. Отнюдь. Его поведение – вот, что завораживает. Он двигался и говорил так, будто бы весь мир под его контролем.

Да еще и его лицо оказалось на редкость красивым. Гладко выбритая, чистая кожа, слегка округлые черты лица, но сам овал головы мощный, грозный, напоминающий квадрат, хотя и не лишенный мужского очарования.

Оливия едва не вываливается из-за парты, когда вдруг обнаруживает, что мечтательно смотрит в потолок, сидя в кабинете, где уже идет урок, и где учитель обществознания уже вовсю объясняет какой-то предмет, выписывая на доске предложения, а все кругом уткнулись в свои тетради и записывают слова учителя.

Как так получается, Оливия и сама не может понять. Она будто перенеслась сюда, и уже сидит, держа в руках шариковую ручку.

Остальные пишут перьевыми ручками, достав из парт тюбики с чернилами, разложив тетради и промокашки. И можно удивиться тому, с каким усердием даже самые отъявленные лоботрясы записывают что-то в свои тетради. Можно удивиться, если не знать историю знакомства школьников с предметом, и, что важнее, с преподающим его учителем.

Федорито Сергеевич, помимо странного имени, обладает и другими выдающимися качествами, благодаря которым он и добился такого удивительного послушания. Обнаружив себя на его уроке, девушка сразу же принимается списывать с доски, с трудом ориентируясь в незнакомых записях в тетради.

– Шшшлавно, шшшлавно, – доносится голос учителя. – Запишшшивайте, Фантозина, запишшшивайте.

Голос у Федорито Сергеевича уникальный, и спутать его с кем-нибудь другим при всем желании не выйдет. Он говорит всегда высокими, протяжными нотами, мелодично, но хрипловато. Складывается такое ощущение, будто бы охрипшая певица старается петь, просунув голову между ног. Либо, можно еще вообразить, что такой голос возникает если сипящий тенор пытается говорить фальцетом так, чтобы это было похоже на песню, в то же время, когда кто-нибудь тянет его вверх за горло.

И, в качестве изюминки, Федорито Сергеевич никогда не выговаривал букву «с», заменяя ее шипящим свистом, что в любой ситуации звучало смешно. Однако эта привычка всегда быстро приедается ученикам, так что они даже за глаза о ней почти не шутят.

Разумеется, послушание учеников Федорито Сергеевич заслужил другой особенностью. В первый же раз придя к нему на урок, класс столкнулся с необычной привычкой учителя почти не отворачиваться от доски. Повернувшись к детям спиной, Федорито Сергеевич написал свое имя, попутно разговаривая, а затем начал писать вводные данные, одновременно рассказывая, чем детям предстоит заниматься на его уроках.

В тот день один из учеников сделал самолетик с запиской и пустил его через парту.

– А теперь вшшштань и подними, – не оборачиваясь, заговорил Федорито Сергеевич.

Ученики замерли, и ждали неясно чего, а учитель повторял, обращаясь уже по фамилии, чтобы ученик поднял самолетик и выбросил в мусор. Уже после этого дети стали заметно тише, мгновенно заподозрив учителя общественной науки в каких-то потусторонних силах, а все же скоро вновь решились испытать его способности.

На одной из контрольных желание списать у товарища пересилило опасения быть раскритикованным, и тот же самый ученик, что пускал самолетик, потянулся рукой, чтобы толкнуть друга в плечо.

– Ну и что я тебе говорил, Машшшшленников? – засвистел голос Федорито Сергеевича. – А вот надо было шшшшлушать. Двааааааа...

Гласные Федорито Сергеевич очень любит потянуть, особенно в последних слогах предложений, когда заканчивает мысль, а потому такой возможностью никогда не пренебрегает и, свесив голову на бок, долго тянет букву мелодичным голосом, заставляя думать, что этот звук навсегда отпечатался в памяти.

Зато, после тех двух случаев никто даже и не пытался отвлекаться от урока. Иначе учитель все равно заметит. Даже самые отъявленные лентяи делали домашнюю работу и учили заданное, только потому, что Федорито Сергеевич произвел на весь класс удивительное впечатление, а о том, что больше учитель ничего примечательного никогда уже больше не делал,

никто даже и не задумывался. Достаточно и того, что однажды, пусть всего раз или два Федорито Сергеевичу это удалось.

– Итааааак... – протягивает он с удовольствием. – Запишиваем.

Ручки всего класса почти одновременно ударяются в тетрадные листы, готовясь повести по бумаге тонкой нитью строку.

Приходится вместе с остальными забыть на время о посторонних вещах и сосредоточиться на уроке. И у Оливии получается это сделать. Да и странно, перед собою даже стыдно, что какой-то незнакомец так легко вдруг овладел мыслями, хотя, с другой стороны, очень примечательное событие ознаменовало начало дня. Только мысли об этом девушка откладывает на потом.

– ...государств не обязано вас учить любить родину, – объясняет Федорито Сергеевич, записывая совершенно другое, записывая на доске какие-то исторические даты, но без пояснений, только цифры. – Нееет, это ВЫ должны научиться любить родину самостоятельно.

Федорито Сергеевич всегда любил расставлять яркие акценты, но всегда ли он говорил такие странные вещи – этого Оливия вспомнить не может. Оторвав ручку от бумаги, девушка оглядывается и замечает, что остальные записывают цифры, будто ничего необычного не происходит, и никто даже не поднимает голову.

– Государство ничего вам не должноооо... – продолжает Федорито Сергеевич.

И вдруг, остановившись на полуслове, он оборачивается. Это лицо, как ни странно, Оливия видит, кажется, впервые. Необычное чувство тревоги тут же заставляет сердце забиться в попытках сбежать из костяного плена, а учитель, прищурившись, направляет взгляд строго в нее, ни на миг не задержавшись глазами на других учениках.

Морщинистый лоб, крылатые усы, скрывающие губы, уверенный, хмурый взгляд – вот и все черты этого странного человека. И самое удивительное в том, что видит их Оливия впервые.

А затем Федорито Сергеевич вдруг отворачивается и начинает рассказывать про уклад и недостатки капиталистического общества, предлагая рассмотреть способы решения возникающих в нем проблем на примере социалистических типов обществ.

Мысль путается уже в первых же предложениях, и до конца урока девушка так устает, а потому на следующий урок приходит уже со спутанными мыслями и, к своему же удивлению, слегка усталая.

Благодаря такому странному и неудачному стечению обстоятельств, из-за утреннего происшествия, спутанных мыслей, необычного поведения Федорито Сергеевича – из-за всего сразу Оливия вдруг оказывается неспособна овладеть своими эмоциями. Прослушав лекцию классного руководителя о том, как важно не отделяться от коллектива, выдержав все нападки и взгляды, обращенные именно в ее сторону, девушка отправляется на следующий урок, где все повторяется чуть ли ни слово в слово. Разве что в самом начале учительница предупреждает детей о скорых экзаменах и о важности этих выпускных мероприятий.

Учительница этики и психологии семейной жизни долго и нудно рассказывает о том, что муж и жена в браке – то же, что общество и партия в жизни государства.

– Каждый отказывается от индивидуализма ради общего блага, – объясняет она детям. – Таким образом, посредством отказа от индивидуализма и эгоистичных стремлений, формируется сама основа счастливой жизни всех участников союза, будь то союз брачный или же государственный.

Оливия не выдерживает.

– То есть, ничего делать не нужно, просто... отказаться от индивидуализма, – говорит она.

В классе тут же воцаряется полнейшее молчание. Случайно высказав мысль вслух, девушка привлекает внимание совсем не намерено, а потому и сама тоже растерянно оглядывается, но поздно, учительница ее уже тоже смогла услышать.

Впрочем, женщина снисходительно улыбается и подходит ближе, намереваясь, похоже, дать свои объяснения.

– Ну разумеется, этого недостаточно, – отвечает она. – Но с этого все начинается. Нельзя рассчитывать на крепкий союз между двумя людьми... между двумя структурами и даже государствами, когда хотя бы одна из сторон, а то и обе сразу преследуют исключительно собственные цели и не заботятся об общем благе.

Оливия почти готова оставить спор, но произошедшие утром события как-то уж слишком переполошили мысли, и те не желают теперь успокаиваться.

– И что плохого, если обе... стороны, как вы говорите, будут стремиться быть лучше?

Учительница неловко улыбается и подходит еще на шаг ближе.

– Ничего, разумеется, – говорит она. – В этом и есть основа дружеского соревнования.

– Нет. Вы только что говорили не о соревновании.

Учительница резко изменяется. Слегка нахмутив брови, она подступает еще на полшага, выдыхает носом и складывает руки за спиной.

– Фантозина, – с особой строгостью произносит учительница, – ты смешиваешь две области понятий. Тебя на логике разве не учили их разграничивать?

– Ну да, конечно, – бубнит Оливия, сердито опустив голову. – Это же не вы не можете ответить, это я неправа.

– Фантозина!

Злить учительницу, конечно, не хочется, но та могла бы и ответить. Девушка едва может разобраться в своих мыслях. День сумасшедший с самого начала, и с каждым мгновением он становится только еще более странным. Думается, что, разумеется, могла быть и ошибка в суждении, так почему бы ее не объяснить? А учительница вместо этого сразу начала сердиться, хмуриться и угрожающе продавливать глазами вмятины на лице ученицы. Не худшей ученицы, стоит заметить.

– Да поняла я, поняла, – отвечает Оливия.

Чаще она ведет себя более скромно, но теперь не хочется. Надоело. Эта же учительница не раз ставила девушку в пример остальным. Причем, как пример исключительно негативный. Хотя она не говорила явно, а сама, рассказывая о нежелательных манерах поведения супругов в браке, странно поглядывала, словно хотела и остальным указать глазами путь к яркой демонстрации этой отрицательной части учебного материала.

– Фантозина! – бьет учительница ладошкой по ближайшей парте. – Ты специально меня злишь?

Наконец, это становится последней каплей. Спор можно было закончить уже несколько раз. И, да, хотя Оливия начала его сама, но ненароком, а теперь она вытерпела совершенно беспочвенные замечания и этот презрительный взгляд, это желание учительницы обвинить девушку хоть в чем-нибудь... именно так это выглядит в глазах самой Оливии. Да и в глазах других учеников тоже, разве что они с удовольствием наблюдают за происходящим, а некоторые и вовсе довольно улыбаются, не скрывая от девушки своего удовольствия. Поэтому она не решается больше молчать.

– А вы специально мне не отвечаете? – поднимает девушка глаза. – Или просто не можете?

– Ах!

Вздых учительницы Оливия будто бы и не замечает.

– Объясните, что ужасного, если оба супруга будут становиться лучше?

Учительница подступает еще на шаг и уже не замечает, как жар эмоций, разогнав мысль, как ракетный двигатель, запускает ее в самую гущу этого спора.

– При чем здесь это? – нахмурившись, заговорив быстрее, сообщает учительница. – Речь шла об индивидуализме!

– И какая разница?! – вместе с учительницей распаляется и комсомолка. – Если каждый будет самостоятельно избирать пути совершенствования, а не вычитывать их из партийной методички, то!..

– Ах! Фантозина! Замолчи! Замолчи немедленно!

– Да вы же даже не слушаете! – вскакивает Оливия с места.

– Садись! Два! – кричит учительница уже на высоких тонах, едва выдерживая напряжение и, кажется, готовясь даже хвататься за сердце.

– Что? Нет! За что?!

Обида распаляет юный ум, насыщая его еще более смелыми и пылкими идеями, удержать которые нет никакой возможности.

– Да вы же не можете ответить! Отвечайте! – кричит девушка.

– Садись! Два! Дневник! – трясет в ответ руками учительница. – Дневник мне! Быстро!

– А знаете что?! – выступает комсомолка из-за парты. – Садитесь! Два!

– Ах! Фантозина! Да как ты смеешь?!

– Да вы же на простой вопрос ответить не можете! Дневник сюда! – кричит Оливия, уже намеренно дразня учительницу, но теперь совершенно не контролируя свои порывы. – Быстро!

– Ах! – снова вздыхает учительница фальцетом. – Хватит! Я этого терпеть не собираюсь! Живо к директору!

И вот уже Оливия стоит в кабинете директора, ожидая, когда учительница пожалуется, рассказав все исключительно так, как видится ей.

– Неправда! – не сдерживается комсомолка в какой-то миг. – Клим Саныч! Я только спросила, чем плох индивидуализм! А она...

– Да как же? – удивляется директор. – Фантозина, ты что, шутишь?

– Ничего я не шучу, – обижается девушка.

– Да как же ты не поймешь! – трясет учительница пальцем напротив лица.

И девушка отбивает руку, вынуждая женщину опять вздыхать, что уже порядком надоело и кажется противным.

– Фантозина, ну-ка успокойся, – грозит директор.

И комсомолка тут же бросается к нему, в надежде на спасение.

– Клим Саныч! – зовет она оскорбленным и возмущенным, но в то же время жалобным голосом. – Пускай я не знаю! Пусть я глупая! Разве нельзя было просто объяснить, а не...

– Ах! – вздыхает учительница так мощно, что едва не начинает кашлять, поперхнувшись воздухом, но потом быстро вздыхает снова, хотя и чуть тише. – Ах! Да что ты врешь! Я все тебе объяснила!

– Да вы!.. – начинает Оливия, но тут же оборачивается к директору. – Клим Саныч, да вы посмотрите, она же даже не слушает! Какие могут быть вопро...

– Нет! – взвизгивает учительница.

У нее выпадает локон из пучка волос, собранных на затылке и начинает колыхаться перед лицом оттого, что женщина от злости тяжело и быстро дышит. – Это уже... извините... ни в какие ворота!

И многозначительно и шумно дунув, а заодно отбив локон в сторону, женщина разворачивается и уходит.

– Ну вы видите, Клим Саныч? – жалобно зовет Оливия, успев уже понять, чем грозит после утренней ссоры с отцом новость об очередных успехах в школе. – Я же просто...

– Тише, успокойся.

Директор волнистыми жестами кисти, опущенной ладонью вниз, успокаивает девушку, и комсомолка замолкает.

– Так, ладно. Садись, – указывает он на стул. – Какой был вопрос?

Оливия теряется, и Клим Саныч быстро угадывает ее недоумение.

– Ты сказала, что Настасья Федоровна не ответила на какой-то твой вопрос, – уточняет мужчина. – На какой?

Комсомолка взглядывает на блестящую, широкую плешь на голове невысокого, круглого, но не толстого мужчины. Его спокойное выражение, уверенный и дружелюбный взгляд сразу внушает доверие, и Оливия решает поддаться этому чувству.

– Я просила, – отвечает она неуверенно, – чем так плох индивидуализм.

Воцаряется тишина.

– И все?

Девушка смущенно кивает. Клим Саныч напряженно раздумывает, кажется, упуская в своих размышлениях какую-то деталь. И это так ярко проявляется на его лице вопросительным, даже недоумевающим выражением, что догадаться о растерянности директора не составляет труда. И от этого почему-то становится даже немного стыдно, ведь Клим Саныч кажется занятым, ответственным и крайне важным человеком. Через миг он и сам в этом фактически признается.

– И ты не понимаешь? – спрашивает директор.

– Клим Саныч!..

– Не волнуйся, просто отвечай, – успокаивает мужчину, предугадав беспокойства девушки.

Да и ее тревожный вид трудно не заметить. Вспомнив про родителей, Оливия вдруг поняла, что уже не успеет ничего изменить, и теперь сидит с виноватым лицом, надеясь, что не придется рассказывать о случившемся родителям. А там пускай хоть весь день отчитывают.

Возникает мысль соврать, но хочется довериться Климу Санычу, и комсомолка, слегка замаявшись, все же раскрывает правду.

– Не понимаю, – признается она. – Что такого ужасного в индивидуализме? Если каждый стремится быть лучше, то какая разница, каким способом он этого добивается, разве не так?

Посмотрев на директора, Оливия тут же виновато опускает глаза. Хотя тут она ошибается, поторопившись уже свои мысли облечь в рамки «недопустимых» самостоятельно и без директорской указки.

– Что-то я тоже ничего не понимаю, – внезапно признается Клим Саныч.

Мгновенно вся тяжесть беседы улетучивается, и разговор тут же становится в представлении девушки приятным и спокойным.

– Постой, – опережает комсомолку директор. – Расскажи все с самого начала.

Оливия, слегка торопливо, на ходу вспоминая некоторые подробности, рассказывает о том, как шла беседа с учительницей этики и психологии семейной жизни, о том, как завязался спор и во что он вылился.

Клим Саныч выслушивает девушку спокойно, неторопливо размышляет, кивая в пандан словам, и уже этим вызывает определенное уважение и, как следствие, откровенность. И лишь когда девушка заканчивает говорить, подумав еще немного, директор усаживается обратно на стул с обивкой и после вздоха с улыбкой взглядывает на комсомолку.

– Ну и? – спрашивает он хитрым тоном, дружелюбно улыбаясь. – Все еще не поняла?

Оливия теряется и лишь мотает головой.

– Гляди, – начинает директор объяснение. – Есть двое супругов. И вот муж, например, говорит, что надо переехать в другой город. А жена ему говорит, что надо остаться. Муж руководствуется одними соображениями – ну, скажем, ему предложили должность более почетную и ответственную, и он желает оправдать это общественное доверие – а жена думает иначе.

Скажем, ей предложили более ответственную и почетную должность на прежнем месте. Как видишь, у них конфликт, и решить его невозможно, основываясь на принципах индивидуализма. Теперь понимаешь?

Оливия чувствует благодарность уже просто за то, что Клим Саныч решил дать ей ответ, вместо того, чтобы сделать в дневнике запись и выкинуть из кабинета. Потому она не решается заговорить, но опытный взгляд директора легко отыскивает в чертах юного лица недомолвку, и более того, даже разгадывает ее причину, которую, впрочем, раскрыть совсем не трудно.

– Ну, говори, не бойся, – подбадривает он.

– Клим Саныч, – начинает девушка слегка виноватым, но уверенным тоном. – Но ведь если они будут друг с другом говорить, то этого не произойдет. Вот смотрите: это же муж и жена, а значит, они могут обсудить положение, выяснить, чья должность более... почетная и ответственная, и тогда принять решение. А если они не будут стремиться к почету и ответственности? Что подталкивает их на этом пути, как не индивидуализм.

Директор посмеивается в кулак.

– Ты молодец, Фантозина, – говорит он и становится тут же серьезнее. – Но проблема, разумеется, гораздо шире.

Поднявшись со стула, Клим Саныч начинает прохаживаться по кабинету, так что приходится развернуться к нему, чтобы не слушать директора спиной.

– Вот, смотри, – опять вступает он в прежней манере. – Я и ты – мы оба видим стул, так? А теперь, скажем, ты не хочешь видеть его так, как видишь, а хочешь видеть иначе. Например, вверх ногами.

– Клим Саныч, но это же...

– Да-да, ты не можешь, – не дает мужчина перебивать. – Но положим, что так. Ты видишь стул так, как хочешь ты, а я вижу его так, как хочу я.

Директор начинает улыбаться.

– Как думаешь, много мы с тобой вместе построим?

Аргумент оказывается убийственным, в том смысле, что обрубает все раскидистые ветви размышлений Оливии.

– Вот именно, – улыбается Клим Саныч. – Мы друг друга не сумеем даже понять! Говоря про стул, я буду описывать его, как деревянное изделие со спинкой и четырьмя ножками, а ты будешь говорить, что это полотно с мощной опорой, из которого кверху торчат четыре палки.

Комсомолка молчит, хмурится и стыдливо опускает глаза, невольно чувствуя ту неловкость, которая обнаруживается в каждом, готовом признать в споре свое необратимое поражение.

– А что говорить о других вещах? – улыбается Клим Саныч, возвращаясь на место. – О государстве? Ничего не выйдет, если каждый будет смотреть на мир так, как хочется ему.

– Но ведь...

– Считаешь, это не то же самое, что индивидуализм? – перебивает директор с хитрой, но доброй ухмылкой. – Индивидуализм – это что? Это полная свобода личности. Так? А ежели я хочу видеть мир так, а не иначе, то это разве не свобода? Это и есть свобода. Правда, мир немного иначе устроен. Понимаешь?

Оливия не отвечает, но опускает глаза.

– Ну, ничего, поймешь когда-нибудь, – добродушно улыбается Клим Саныч. – Запомни, тот, кто стремится к свободе личности, попросту недостаточно образован, чтобы осознавать ценность общественной свободы. Теперь иди.

Приходится встать, но стоит обернуться, как вспоминаются проблемы насущные. Спорить с директором бесполезно. Кажется, в его суждениях все равно есть какие-то огрехи, но приходится себе признаться, и не без стыда, что сейчас не хватает знаний, чтобы ответить. А через миг Оливия уже и не думает об этом, снова вспомнив отца и его недовольство.

– Клим Саныч, – с жалобным видом обращается девушка. – Мне же Настасья Федоровна напишет в дневник... а что я родителям скажу?

Директор вздыхает. И делает он это с недовольством, уже собравшись взяться за свои дела. А все же, даже и теперь поступает щедро.

– Ладно, – кивает мужчина. – Если напишет, то зайди ко мне, я напишу, что все улажено.

Оливия чувствует, как беспокойства волной талого ручья падают из сердца вниз, разливаются по телу, обжигая и следом тут же успокаивая каждую клеточку. И девушка, выдохнув, едва удерживается от желания обнять этого лысого добряка.

– Спасибо, Клим Саныч! – выпаливает Оливия и тут же убегает из кабинета.

Впрочем, скоро ей действительно приходится вернуться в кабинет директора. Рассерженная учительница, не обращая внимания на попытки девушки извиниться, оставляет в дневнике запись. Поначалу Настасья Федоровна и вовсе хочет пригласить в школу родителей, но отчего-то смягчается, видимо, просто не желая тратить время попусту.

Да и в учебе Оливия не испытывает трудностей, а ее оценкам могли бы позавидовать многие ученики, так что ее персону хоть и вызывает у Настасьи Федоровны неприязнь, но не такую, которую женщина не могла бы побороть.

Вернув себе дневник, забрав портфель и выйдя из кабинета, комсомолка сразу же читает свежую надпись, которая рассказывает, что девушка отвратительно себя ведет. Потребовав родителей самостоятельно разобраться с поведением дочери, Настасья Федоровна избавила их от необходимости посещать школу, о чем, разумеется, тоже сообщила в послании.

А впрочем, уже скоро под этой надписью появилась и еще одна. Клим Саныч, как и обещал, сделал заметку прямо под записью учительницы, где добавил, что все необходимые меры приняты и чрезмерное наказание приведет к нежелательным последствиям. И сформулировал эту мысль он так красиво, что Оливия несколько раз ее перечитала, все больше проникаясь убедительностью директорской формулировки.

Потому и домой она отправляется, так и не решившись поправить на голове прическу. Пучок волос, символизируя хорошее, ну, или близкое к этому настроение, так и остается висеть чуть выше правого уха, несмотря на все произошедшие события. И даже взгляды прохожих сегодня не очень беспокоят. Скоро лето, а с ним еще и придет черед совершеннолетия, скоро учеба изменится, кончится детство – столько впереди неизведанного, столько вдохновляющих открытий! Даже странно, думается комсомолке, что ее настроение в такое время вообще способно портиться, насколько бы уважительная причина не стояла за этими переменами.

Только в арке становится вдруг беспокойно. В тоннеле никого нет. Да и сейчас день. Люди бродят на улице, да и во дворе сидят уже старушки, но в этот большой проем из бетона, соединяющий улицу и двор многоэтажки. А затем мимо проходит молодая женщина с дешевой коляской, больше похожей на каркас, обтянутый одеялом, и стоять на месте уже становится неловко.

И все же в том месте, где утром была драка, Оливия внимательнее глядит по сторонам. Делает она это почти неосознанно, но не замечает ни одного пятнышка крови, и это немного успокаивает.

А затем все обычно. Сегодня девушка не покидает дома. Сегодня Виолетта все равно занята, а одной на улицу идти не хочется. Кроме того, нужно выполнить домашнюю работу до того, как вернуться родители.

Хотя, даже и так остается еще целых четыре часа свободного времени, когда девушка оканчивает делать задания учителей, а потому вскоре катушки с магнитной лентой начинают крутиться на магнитофоне и скучную атмосферу украшает настоящий музыкальный фейерверк: такое редкое сочетание звуков, льющейся из катушечного магнитофона.

Скоро, впрочем, лента уже заканчивается, а на остальных магнитных катушках не так много той музыки, которая прихлась бы по вкусу не только отцу девушки, но и самой Оливии.

А затем девушка, от скуки изучая в доме все неизученные места, вернее, пытаясь таковые отыскать, совершенно внезапно обнаруживает необычную книгу, спрятанную внизу стопки произведений на высокой полке в родительской комнате. В книге оказывается несколько рассказов совершенно разных писателей, среди которых Оливия находит и рассказ Алексея Толстого «Семья вурдалака».

Заинтересовавшись, девушка решает полистать книжку и первым ей как раз попадает рассказ классика. Из комнаты Оливия книгу не уносит, все время поглядывая в сторону двери и беспокоясь, что родители, застав ее за чтением нежелательной литературы, могут и рассердиться. А этого особенно не хочется именно сейчас, когда утренний инцидент еще не исчерпан, а в дневнике ждет прочтения очень странная заметка, вернее две, в одной из которых комсомолку ругает учительница, а во второй уже сам директор сообщает, что поводов для беспокойства нет.

Хотя, все это забывается мгновенно, стоит начать читать. Спустя несколько страниц Оливия забывает уже оглядываться, забывает про родителей и о том, что вскоре они уже должны вернуться, не заботится даже и о том, что стоит возле шкафа, хотя до ближайшего стула всего пару шагов.

История затягивает мгновенно и развивается стремительно, проглатывает целиком, вынуждая окунуться в фантастический мир произведения, а затем, совершенно внезапно, обрывается так скоро, что добравшись до концовки, девушка еще не сразу отделяется от чувства, что рассказ ей показался слишком маленьким.

Возвращения родителей приходится ждать еще несколько часов, но Оливия даже и не замечает, что сегодня они приходят домой намного позже обычного. Все это время она лежит на спине, упершись взглядом в потолок, а сама витает в фантастических воображаемых мирах, где ужасающими картинами предстают описанные в рассказе события и оживают живущие в произведении образы.

Кровопийцы вдруг становятся такой настоящей частью жизни, такой близкой и естественной, что слегка даже становится беспокойно. Случайное движение занавеси, покачнувшейся от ветра, пугает, как грохот внезапного боя, а потом зачем-то вспоминается утренняя драка, и все становится только хуже. Теперь еще сложнее оказывается себя убедить, что простой человек способен так далеко отбросить противника ударом.

Затем раздается шелканье ключа в дверном замке, и Оливия подскакивает с кровати, а когда из прихожей доносятся родительские голоса, то она начинает готовиться к беседе и слегка нахмуривается, еще помня утреннюю обиду, не желая ее прощать, но в то же время и не имея намерений поссориться с родителями.

Наконец, спустя еще минут десять беседа начинается за кухонным столом. Уставшие родители, помыв руки, сразу идут на кухню ужинать, и в тот же миг девушку зовет мать, чтобы пригласить ее к столу, а Оливия приносит с собой дневник и вместо того, чтобы оттягивать рассказ о происшествии в школе, тут же отдает дневник отцу.

Мужчина слегка прищуривается, угадывая, что не зря дочь протянула ему дневник сразу же, не дожидаясь окончания трапезы. Однако он берется взглянуть на записи, начиная листать страницы в поисках нужной.

– Ну и что случилось? – интересуется мужчина.

И Оливия своим молчанием делает его вопрос риторическим. А вскоре отец уже прочитывает две свежие записи, отдает дневник обратно, а сам вздыхает, кажется, оставшись недовольным.

– И что это значит? – поднимает он взгляд.

Недовольство явно просматривается в глазах отца, но девушка объясняется спокойно, уверенная в своей правоте.

– Ничего, просто...

– По-твоему, это ничего? – строго перебивает отец. – Ты сама-то видела, что Настасья Федоровна написала, а?

Девушка сразу начинает объясняться.

– Клим Саныч же написал...

– Я вижу, что Клим Саныч написал, – перебивает явно недовольный отец. – Я спрашиваю, ты видела, что написала Настасья Федоровна?

Буря несправедливости мгновенно уже готовится выплеснуться наружу. Ведь как же это несправедливо, имея все основания противостоять укорам, не иметь ни единой возможности этого сделать.

– Да, но...

– Не надо оправдываться! – снова перебивает отец, повышая голос.

– Миша, да что случилось?! – не выдерживает его супруга.

Мужчина встает из-за стола, подходит к Оливии ближе и отнимает из ее рук дневник, который только что вернул.

– А ты сама посмотри! – раскрывает он дневник перед супругой.

Быстро отыскав нужную страницу, мужчина начинает так отчаянно бить пальцем в дневник, что сминает края бумаги, а его дочь, смотря на все это, не шевелится и даже вздохнуть теперь не решается.

Когда мать, взглянув на запись, ладонью закрывает рот и взглядывает на дочь испуганно, то девушка совершенно теряет суть происходящего. Ведь она и сама читала запись Настасьи Федоровны. В злой и сердитой манере учительница в ней призывает родителей принять меры и воспитать дочь в надлежащем виде – словом, ничего конкретного, а только лишь злобные потуги оскорбленной женщины оторваться на ребенке.

– Да ведь Клим Саныч...

– Да замолчи ты! – вдруг бросает отец так резко и грубо, что и сам виновато прячет взгляд, хоть и продолжает сердиться. – А то мы не видим, – добавляет он тише, – что Клим Саныч написал.

И Оливия вдруг обнажает свой истинный облик. Как правило, на улице она ведет себя смело, бывает грубой и кажется иногда беспринципной. Она бывает самой разной, но никогда не предстает миру слабой, плачущей девочкой. Эта часть ее характера не пробивается наружу и всегда прячется в уюте родного дома, где никто и ничто не может расстроить и причинить боль. Теперь же девушка не сдерживается.

Она пытается что-то сказать. Ведь очевидно же, что никакой проблемы нет, что сам директор убеждает в этом, сделав нужную запись, но вместо того, чтобы прислушаться к голосу разума... нет, вместо того, чтобы просто открыть глаза, родители даже не пытаются выслушать. Губы размыкаются, но тут взгляд резко начинает портиться: глаза успели наполниться слезами.

– Но я же... это же... Клим Саныч... – бубнит девочка сквозь слезы.

Здесь, в границе родного дома, ей ничего и никогда не угрожает. И вдруг – все изменяется в одно мгновение.

– В общем так, – заговаривает отец строгим, тихим, повелительным тоном. – С завтрашнего дня больше никаких прогулок. До экзаменов будешь сидеть дома и учить уроки, а вот когда...

– Но пап...

– Ты меня слушаешь, или нет?! С завтрашнего дня будешь сидеть дома!

Оливия снова пытается заговорить, но слезы уже не позволяют. Девушка начинает шмыгать, а если и старается что-нибудь сказать, но выходит у нее лишь мычание, так что она разворачивается и, плача, уходит в свою комнату, совершенно не понимая, в чем провинилась.

– Миш, – жалобным голосом зовет мужчину супруга, – может не надо было так жестко, а?

– Ничего, – вздыхает Михаил. – А как иначе?

– Ну так строго-то зачем?

Мужчина оборачивается и взглядывает на жену строго.

– А ты сама не понимаешь? – шипит он сердито, но говорит шепотом, чтобы дочь не услышала. – Если она не прекратит, то окажется в лечебнице! Да стоит этой тупице Настасье Федоровне пожаловаться и...

Женщина садится рядом и тоже говорит шепотом, еще тише, чем прежде, оставив ладонь на плече мужа.

– Но она же не виновата.

– Будто я не знаю, – прячет глаза Михаил. – Только кому кроме нас с тобой есть до этого дело? Все. Разговор окончен. Я никому не позволю лишить нас дочери. Чего бы мне это ни стоило.

А вот Оливия эти слова не подслушивает ни случайно, ни намеренно. Слишком мощный импульс проглатывает ее во мрак оттенков неприязни, и ровно в это мгновение девушка туго затягивает волосы в пучок у левого уха, а следом тут же отрезает лишнее. И отныне, думает комсомолка, ей не придется сменять настроения.

Глава третья

Столкновение

– Да что с тобой сегодня? – подталкивает Виолетта в плечо. – И что с волосами? Ты зачем их отстригла?

Оливия всем видом показывает, что обсуждать это не собирается, отворачивается и даже не отвечает.

А выглядит она действительно странно. Она и обычно не бывает дружелюбной, привыкнув хмурым видом отгонять ухажеров, но сегодня комсомолка совсем не в настроении, и за весь день, кажется, не проронила ни слова.

– Ты не заболела? – спрашивает подруга, изменив тон.

Жалостливо сложив домиком бровки, вторая красавица школы гладит по плечу свою дорогую подругу, но Оливия никак не реагирует.

– Слушай... – заговаривает она вдруг.

Девушка говорит странным, нерешительным голосом, будто на каждом слове раздумывает о том, стоит ли договаривать мысль, но, тем не менее, не останавливается и больших пауз не делает.

– Ты... вечером... сегодня... поедешь со мной? – выдавливает она из себя, как из тюбика. – Там... в общем... там есть на реке... вроде обрыва... за городом! На электричке, а дальше...

– Сегодня? – Подруга делает виноватое лицо, и комсомолка уже обо всем догадывается, а потому мгновенно остывает и вновь нахмуривается, не дожидаясь, когда Виолетта закончит. А та продолжает: – Ох, я никак не могу! Я уже обещала.

Оливия на миг теряет хмурость.

– Что обещала?

Подруга начинает странно улыбаться, подсаживается ближе, медленно берет под руку, обвивает и подтягивает к себе, а затем начинает рассказывать полусшепотом с той же хитрой, довольной улыбкой на лице.

– Я тут с иностранцем познакомилась, – сообщает Виолетта. – Он из Испании, представляешь? – Поделившись радостью, она начинает сиять, но голос не повышает, а даже наоборот, окончательно переходит на шепот, не желая, чтобы ее услышали даже случайно. – Я хотела отказать, но...

Подруга начинает трясти Оливию за руку, едва сдерживая радость, и девушка просто отмахивается.

– Ну и как хочешь...

Виолетта резко остывает, когда девушка поднимается и собирается уйти, не собираясь, похоже, разделить с подругой ее радость.

– Да что с тобой сегодня? – недоумевает Ви. – Ты что, правда обиделась? Ты что, серьезно?

Ей тоже не нравится, что в такой миг подруга не хочет ее поддержать, так что девушка, разумеется, не собирается извиняться перед Оливией.

– Ну и пожалуйста, – тихо договаривает Виолетта, надувает щеки, сидит еще миг, а затем встает и тоже уходит.

Дома никого не оказывается. К слову, во дворе опять не обнаруживается хулиганов, как и утром, но на этот раз девушка о них даже и не вспоминает. Да и не такое время, чтобы беспокоиться о посторонних.

Оливия вообще странная с утра, и странная иначе, чем обычно, злая и сердитая, безразличная и еще более холодная, чем обычно.

Хотя, подруга еще с утра решила, что девушка притворяется, так как сегодня Оливия умудрилась достать, наконец, приставучую Настасью Федоровну. Та, как и обычно, постоянно бросала взгляд в сторону девушки, желая поймать ее за каким-нибудь проступком, а затем, увидев, что комсомолка уставилась в окно, тут же подошла, чтобы выругать.

В тетради девушки на самом деле оказалось меньше записей, чем должно было быть. Обычно, здесь бы разразился небольшой скандал. Вернее, Настасья Федоровна, как обычно, ругала бы девушку до тех пор, пока та не начнет возмущаться, а это и был бы повод сделать запись в дневнике.

Такое случалось не часто, но иногда Оливия могла не сдержаться, выслушивая несправедливые обвинения и сказать что-нибудь, ровно так, как и случилось день назад. И хотя в каждом школьном классе, где преподавала Настасья Федоровна, были такие ученики, девушка этого знать не могла, и потому особое внимание учительницы лишь подтверждает мысль девушки о том, что никому в этом бессердечном городе, а может, и в целом мире никому она не нужна.

Правда, теперь это все не имеет значения. Еще утром, по пути в школу, Оливия все решает – она собирается покончить со всеми проблемами одним махом, а потому теперь уже нет никакого смысла обращать внимание на такие мелочи, как вздорный нрав придиричивой учительницы.

И никто не может этого заметить, потому, что мир в глазах девушки выглядит совершенно иначе, чем представляется всем остальным, только это тоже не имеет большого значения. Самое важное то, что решение было принято, и события внезапно стали развиваться самым неожиданным образом.

– А ну-ка покажи тетрадь! – предвкушая оправданный скандал, велела с утра Настасья Федоровна, подойдя к парте Оливии.

– Пожалуйста, – лениво промычала девушка в ответ.

Она протянула тетрадь, а сердитая учительница собралась уже вырвать ее из рук преренной воспитанницы, как вдруг, девушка разжала пальцы и тетрадь свалилась на пол.

– Ах! – зазвучал скрипучий фальцет Настасьи Федоровны. – Да что ты себе позволяешь?! Девушка лишь повернулась лениво и взглянула на упавшую тетрадь.

– Ой, – медленно и томно проговорила она.

Снова зазвучал хриплый фальцет, и преподавательница этики и психологии семейной жизни стала наглядно демонстрировать яркий пример беспочвенного, но пылкого скандала.

– Да хватит орать, – с каменным лицом заявила Оливия спустя всего секунд двадцать. – Голос у вас отвратительный.

Спустя еще один фальцет и две минуты, девушка оказалась в кабинете директора. Там, безразличная ко всему, она спокойно отвечала на вопросы.

– Нет, Клим Саныч, я тетрадь уронила, – объясняла она, – а Настасья Федоровна закричала. Неумехой, кажется, назвала. Я не слушала.

После, директор обратился с вопросом к учительнице, но женщина не распознала его голоса за собственными, величественными и гордыми заявлениями. А вот Оливия услышала вопрос.

– Это уже ни в какие ворота! – завопила Настасья Федоровна. – Я это не собираюсь терпеть!

И она направилась в сторону двери, но путь совершенно внезапно преградила ученица. Ее холодный, спокойный, уверенный взгляд заставил женщину остолбенеть, но она почти собралась закричать вновь, когда девушка заговорила.

– Настасья Федоровна, вы что, пытаетесь выставить Клим Саныча дураком?

– Ах!

На этот раз фальцет не сработал и не мог сработать. В сущности, Оливия уже почувствовала, как безразличие придает силы, а потому спокойно решила на то, чего бы прежде ни за что не стала делать.

– Клим Саныч вас спрашивает, с чего все началось, – повторяет девушка вопрос директора. – А вы просто уходите? Хотите показать, что директор для вас – это пустое место?

И вдруг, Настасья Федоровна так нелепо замотала головой, не понимая, оправдываться ли ей перед директором, или же ругаться на Оливию, что даже Клим Саныч, улучив миг, улыбнулся, но затем приложил к губам кулак и сделал вид, будто пытается откашляться.

Впрочем, тогда женщина уже собралась с духом, намереваясь вывалить все свое недовольство на ученицу, так по-хамски говорящую с взрослыми, но девушка ее вновь опередила.

– Расскажите, Настасья Федоровна, с чего все началось? – проговорила Оливия спокойным, монотонным голосом.

Надо отдать учительнице должное за настойчивость. Она попыталась снова разыграть оскорбление и выбраться, оттолкнув девушку в сторону, но Оливия продолжила держаться за ручку двери, не выпуская Настасью Федоровну из коридора.

– Все, хватит, – раздался строгий голос директора.

Девушка, а с ней и учительница, обе повернулись. Голос Клим Саныча объяснил интонацией, что говорит он серьезно и шутить с ним не стоит.

– Садитесь... и вы тоже, Настасья Федоровна.

Строгий тон директора не позволил даже высказывать недовольство. Учительница со своей ученицей обе опустились на стулья напротив директорского стола. Оливия сделала это с непринужденным видом, будто бы зная, что в этом соревновании победа непременно останется за ней. И именно это обстоятельство больше всего раздражило женщину, которая даже покривилась, заметив на лице девушки это спокойное, даже безразличное выражение.

А впрочем, уже спустя несколько минут Настасья Федоровна вертелась на стуле, как на раскаленной сковородке. Оливия не стеснялась перебивать объяснения учительницы, которые та намеренно запутывала, рассчитывая, что одиннадцатиклассница не поймет суть ее речей, но девушка легко раскрыла их тайный смысл и в нужный момент не побоялась даже перебить.

– Я всего лишь уронила тетрадь, а не бросила, – поясняла она. – То, как вы это увидели, это плохое основание для того, чтобы начинать кричать. У меня уши до сих пор болят от вашего визга.

– Ах! Нет! Ну вы видите, Клим Саныч?! Видите?! – завопила Настасья Федоровна, ожидая встретить в лице директора поддержку.

– Вы слышите, Клим Саныч? – тут же указала девушка в сторону учительницы. – У меня правда уши болят. Она минут пять кричала, прежде чем мы к вам пошли. А я просто уронила тетрадь.

Тогда Настасья Федоровна начала скандалить, призывая директора принять меры и вызвать в школу родителей, собрать комитеты, провести воспитательную работу, сообщить, наконец, куда следует. И Оливия молча дослушала, а затем посмотрела на тяжелое лицо директора и заговорила негромко, дождавшись, когда женщина перестанет кричать.

– Клим Саныч, а учителям вообще можно так с детьми обращаться? – спросила она.

Кровь в теле Настасьи Федоровны тут же вскипела, отчего лицо налилось краской, но когда из ушей уже должен был повалить пар, женщина открыла рот, и вместо пара родила поток сдержанной, манерной брани.

– Настасья Федоровна! Прекратите! – не выдержал уже сам Клим Саныч.

И Оливия, рискнув снова, предложила сейчас же позвонить ее родителям и объяснить, непременно сдобрив беседу оборотами, которые только что использовала Настасья Федоровна,

что дочь их никуда не годится, потому как роняет из рук тетрадь, чего ни один порядочный человек делать не смеет.

Спустя несколько минут Клим Саныч выгнал девушку из кабинета и остался с учительницей наедине. Впрочем, ничто уже не могло расстроить. Для Оливии уже не было никакой разницы, что будет дальше. Пусть хоть и вправду звонят родителям на работу. А о том, где работала мать девушки, знали все учителя, да и некоторые ученики, хотя комсомолка никогда не хвасталась, потому, конечно, звонить бы не стали.

Еще через несколько минут из кабинета вышла и Настасья Федоровна. И если бы только Оливия видела это покрасневшее от стыда лицо... хотя, какая разница? Она не видела. Для нее это уже не имело смысла, и девушка просто ушла на следующий урок, а после ушла домой, совершенно не интересуясь тем, чем закончилось это посещение директорского кабинета.

Отказ подруги в трудную минуту поддержать становится всего лишь еще одной каплей в бескрайнем море обиды, копившимся уже, кажется, целую вечность. И никто бы не мог его заметить, ведь рядом никого и никогда не было. Виолетта, единственная подруга, была на самом деле лишь отчаянной попыткой вырваться из заложников неприязни, перестать смотреть на людей с презрением и недовольством, видя, как еще больше презрения и недовольства отражается в их взглядах, пробуждая в душе этот яростный пожар обид.

Вернувшись домой, Оливия молча обедает, затем неторопливо, внимательно оглядывает родительские книжные полки, ища что-нибудь, что могло бы ее затянуть, увлечь, вырвать из оков этого скупого на краски мира, но там ничего. Вокруг нигде ничего нет. Этот катушечный магнитофон, красного цвета телефонный аппарат с круглым, прокручиваемым циферблатом, столы, стулья, диван, кровати – вещи есть, но они ничего не значат, и за ними и в них самих будто бы ничего нет, кроме одной лишь надоевшей оболочки.

И впервые в жизни теперь увлекает зеркало. Проходя мимо, девушка останавливается напротив отражения почти нехотя. Просто взглядывает, но трудно оказывается собой не полюбоваться, во всяком случае, именно сейчас.

Жаль такую красоту. И Оливии не нужно быть законченной эгоисткой, чтобы распознать свое очарование. Не зря Виолетта так легко с ней сдружилась. Обе девушки не похожи на сверстниц. Больше того, они словно принадлежат какому-то иному миру, настолько много в обеих красоты и очарования, хотя девушки еще только приготовились окончить школу. И даже так, по сравнению с Оливией ее подруга – самая обычная, ничем не примечательная школьница.

Зависть между подругами никогда не вклинивалась, а теперь ее и не потребовалось, чтобы распрощаться. Конечно, Виолетта и не догадывается о том, что случилось какое-то прощание, и собирается поговорить чуть позже, через день или два, когда подруга успокоится. Она ведь не может знать, что через день или два уже не будет случая поговорить.

Застыв перед зеркалом, Оливия начинает вести себя необычно. Сейчас ее никто не видит и не может этого заметить, а сама девушка тем более не задумывается о своем поведении. Она просто начинает поднимать вверх юбку, заметив, что даже и ей самой эта незначительная перемена кажется по особенному симпатичной. Подол юбки поднимается все выше, немного задерживается на середине бедра, а затем опять ползет вверх, но скоро девушка его бросает, не удовлетворившись слишком откровенным видом собственных ног. И все же, затем она вновь поднимает юбку до середины бедра и целых несколько минут с удивлением осматривает собственные ноги, будто бы сегодня увидела их впервые.

А затем настает пора. Не переодеваясь, с красным пионерским галстуком, в синей юбке и белой, кристально чистой блузке, засучив рукава, Оливия выходит из дома. Достав из подвала велосипед, она возвращается домой, оставляет ключи, взяв только свой, запирает дверь и уходит.

Двор кажется особенным сегодня. Даже запахи ярче, сильнее. Больше сюда не придется вернуться, и от этого хочется надышаться, втянуть носом все ароматы и навсегда запереть их в груди, чтобы непременно помнить целую вечность. Уже скоро она затянет мраком беспамятства в пучину безвременья.

Эта часть пути оказывается самой долгой. Всего-то нужно пройти до арки от подъезда, но даже бабушки куда-то подевались и вокруг совсем никого. В дальней части двора собралась толпа и, похоже, соседи все сбежались на шум, а потому никто не сверлит девушку взглядом. Хочется подольше идти, чуть больше времени провести здесь, но вот путь окончен.

Печальным взглядом окидывает комсомолка родной двор, а затем садится на велосипед и уезжает на станцию. Там она забирается в электричку и целый час стоит в тамбуре, сквозь туман прозрачных мыслей разглядывая плывущий за окном пейзаж. А после, благодаря помощи незнакомца спустив велосипед, Оливия верхом на железном коне отправляется дальше.

По дороге навстречу редко проезжают машины. Большую часть времени можно спокойно ехать по белой полоске, увлекая себя попытками держаться этой тонкой линии, но иногда все же приходится съезжать на обочину. А затем несколько машин проезжают мимо одна за другой, и девушка вдруг бросает эту детскую игру, встречая пристальным взглядом несущихся мимо, запертых в железных кабинках водителей.

Первый даже не стесняется, рассматривая тело оседлавшей велосипед школьницы. Второй, на москвиче не таком опрятном, взглядывает на девушку, но почти сразу отворачивается. А третий что-то ищет на сидении, а потому Оливию, кажется, даже не видит, поскольку стреляет глазами на дорогу, а потом тут же оборачивается назад к пассажирскому сиденью.

Взгляд девушки изменяется. Красный галстук развевается на ветру, постоянно отпрыгивая куда-то на плечо, но не в силах вырваться на свободу. А глаза комсомолки, шурясь, смотрят вперед, и когда там, на видном конце дороги появляется большой автомобиль, то комсомолка начинает вдруг дышать чаще и крутить педали быстрее, перестав моргать.

Ветер начинает хлестать в лицо, а косынка, повязанная на шее, развевается еще сильнее, еще упорнее старается выскользнуть, развязавшись. Наконец, машина с гулом несется вперед и Оливия резко дергает руль, бросив своего железного коня на дорогу. И в тоже мгновение с ее шеи, развязавшись, слетает галстук, бросившись танцевать с потоками ветра.

Водитель, молодой юноша в кепке, лет двадцати на вид, сразу выворачивает руль, стараясь уйти от столкновения. Девушка и сама, перепугавшись, не справляется с волнением и тут же поворачивает обратно, с трудом сумев обуздать двухколесного спутника и уйти от столкновения.

Перед колесами даже такого небольшого грузовичка страх пролезает холодной рукой аж под ребра и сдавливает сердце так, что сопротивляться не хватает сил. Руки, ноги – все тело само делает ровно то, что необходимо для спасения. И вот уже, миг спустя, Оливия, прокатившись кубарем, поднимается в овраге и испуганно осматривается, не найдя на себе даже перелома.

– Ну ты чего?! Твою ж... эть! Епрст! – кричит юноша, не зная, как ругаться.

Его растерянность и суетливость чересчур явно говорят о волнении, но сам молодой человек об этом не задумывается и, выскочив из машины, тут же бежит проводить девушку.

– Ты чего делаешь-то?! – подскакивает он, собираясь помочь встать на ноги.

Оливия аккуратно но уверенно останавливает незнакомца жестом и поднимается сама, и лишь тогда, отряхивая юбку, замечает ссадины на коленках.

– Ну зачем? – не отступает юноша. – Вот зачем, а? Чего оно тебе далось-то? Тьфу! Плюнула б, да и все!

Комсомолка с удивлением взглядывает на незнакомца. Его слова попадают в самую точку и самым неожиданным образом, что и заставляет девушку отнестись к юноше с особой настороженностью.

– Много ты понимаешь, – буркает она тихонько, не сумев остаться безразличной, после случившегося.

– Пхех! – ударяет юноша себя легонько по затылку. – А... тьфу...

Махнув рукой, он идет к другой стороне обочины, уходит за машину, а после возвращается назад, держа в руке слегка потрепанную косынку и на ходу отряхивая ее от пыли.

Оливия сразу прячет глаза. Для нее вопрос этого простоватого водителя прозвучал совсем иначе, чем для него самого, и лишь теперь, когда молодой человек договаривает, становится окончательно ясно, каким именно смыслом пытался юноша наполнить свое обращение.

– Ну вот чего с ней стало б? – трясет он косынкой. – Да ничего б! А ты под колеса! Дура что ли?

– Сам ты дурак... – отговаривается девушка слабым, неуверенным голосом.

– Да ладно, не сердись ты, я ж так! Ну ты как, цела? – Юноша наклоняется и протягивает косынку, присматривается и вдруг застывает. – Погодь! Да это ж ты! Э... как ж тебя? Оля?

Пронзив водителя недовольным, сердитым взглядом, комсомолка отнимает свой галстук резким движением. Холодность и безразличность, овладевавшие ей с самого утра, еще во время разговора с Виолеттой стали пропадать, а теперь совсем исчезли. Чем ближе к финалу трагедии, тем живее реагирует ум, зачем-то снова просыпаются в нем эмоции, недовольство, страх, печаль и многие другие, и девушка уже не может их контролировать, не может оставаться такой же холодной.

И все же, отвечает она более или менее спокойно, выдохнув носом, но затем вернув себе контроль.

– Я не Оля.

– А! Да! – чешет юноша затылок, а сам довольно глупо, но очень дружелюбно улыбается. – Ты ж по-другому себя как-то называла, да? Помню, Настасья Федоровна мне говорила.

Упоминание этой женщины заставляет тут же вернуться с трудом подавленное недовольство.

– Вот и спроси у Настасьи Федоровны, – холодно отвечает комсомолка.

Впрочем, юноша не замечает в тоне неприязнь. Подняв к небу глаза, он задумывается, пока девушка идет к велосипеду.

– Как то же... слышал же! Как-то оно... точно! Вспомнил! – радостно сообщает незнакомец.

Он быстро нагоняет девушку. А она уже как раз собирается наклониться за велосипедом, но юноша, таращась на нее простым взглядом, давая на своем лице читать все имеющиеся в голове мысли, улыбаясь, опережает комсомолку и наклоняется, чтобы поднять железного коня самостоятельно.

– Оливия! – отвечает он гордо, как ученик, неожиданно вспомнивший ответ, которого учительница добивалась от него уже минут пять кряду, и тут же, как все тот же ученик, он начинает сомневаться. – Так же? Или... нет... вроде, так... а?

Совершенно неожиданно, девушке приходится сдерживать усмешку, она пытается отвернуться, спрятать легкую улыбку, но юноша замечает. И вместо того, чтобы обидеться или оскорбиться, он с добрым и изумительно тупым выражением лица опять почесывает затылок.

– Гы! – хмыкает юноша.

Оливия почти начинает смеяться, но дальше улыбки дело не заходит. Стоит взглянуть на покривившееся колесо велосипеда, как сразу вспоминается и цель поездки. И настроение тут же вновь становится хмурым и серым, и комсомолка, вздохнув, мгновенно теряет улыбку.

Незнакомец это замечает, и с его лица забавная улыбка тоже исчезает почти мгновенно.

– Да ты чего? – смотрит он то на девушку, то на велосипед, а потом шутливо толкает в плечо. – Да сейчас починим!

Комсомолка застывает, не зная, обижаться ли на такую простоту, смеяться над ней, сочувствовать или завидовать, а вот юноша не видит ни единого повода беспокоиться и, отведя велосипед к машине, начинает выправлять колесо, зажав его бедрами.

– А ну-ка, вон там придержи, – указывает он. – Ногой припри, да и все.

Колесо быстро выправляется, но незнакомец тут же замечает другую проблему, хмурится и объясняет, что нужно поправить цепь.

– Она у тебя слетать будет, как пить дать.

И тут же, не спрашивая разрешения, юноша принимается чинить цепь, достав из машины плоскогубцы, грязную тряпку и какую-то баночку, всю измазанную черными отпечатками.

Глядя за его работой, комсомолка не сдерживается.

– А откуда ты меня знаешь?

– Да как же? – откликается юноша мгновенно. – Мы ж в одной школе учились! Ой, погодь, а ты еще учишься, видать?

Оливия снова начинает улыбаться, все никак не умея свыкнуться с простоватым говором юноши.

– Уже почти...

На этом месте девушка опять становится хмурой.

– Считай, уже нет.

– А! – улыбается юноша хитро, подмигивает и кивает. – Выпускница? Ясно-ясно, сами бывали!

А затем возникает небольшая пауза, так как сам водитель заговорить с девушкой не может, или не решается, или даже не пытается. Говорит он больше с велосипедом, а точнее с его частями, натягивая цепь и выдавая: «Да чего не садишься?», «Тьфу!», «Давай!», – и прочее в таком духе.

– А ты давно закончил? – прищуривается Оливия.

– Да уж лет пять! Хе-хе!

Девушка застывает, внезапно начав даже слегка опасаться дружелюбного незнакомца, когда вдруг находит в его рассказе неточности.

– Пять лет?

– Агась!

– И что, пять лет назад Настасья Федоровна уже про меня рассказывала? – спрашивает девушка, не скрывая подозрительности.

Юноша отвлекается от ремонта велосипеда, поднимается и глядит с легким недоумением.

– Пять лет назад у нас еще не было этики... – говорит девушка, а сама, отставив ногу назад, вдруг понимает, что бежать-то ей все равно некуда.

– Хех! Да не! – отмахивается юноша с добродушной улыбкой. – Недавно она... да она не мне рассказывала... в столовой, я когда хлеб привез.

– Хлеб? Ты что, вот в этом?.. – все еще с опаской говорит Оливия, указывая на грязный кузов грузовичка.

– Хе! Да нет! Тут бидоны с молоком вожу, такое всякое. Бывает, вещи кому надо, так я берусь. А чего? Крутишь себе баранку... знаешь, как оно? Ух!

Юноша возвращается к починке велосипеда, а комсомолка хоть и глядит на него еще пока с недоверием, но теперь успокаивается.

Оливия даже успевает поругать себя за подозрительность, а потом думает – какая вообще разница? И, наконец, возвращает себе утреннее безразличие, оправившись от наплыва чувств, захлестнувших разум после этой небольшой, практически случайной аварии.

– А тебя как зовут? – спрашивает она голосом, наполненным безразличием, словно бы от скуки.

– Гы! Да я... это... Вася.

– А откуда же ты знаешь, как я выгляжу?

– Ну так Настасья Федоровна же в столовой, как тебя увидала, так и... я ж с такой прической никого больше...

– Ясно, – перебивает девушка.

Оглядев пустую дорогу, комсомолка даже слегка удивляется. Странно, что здесь такое спокойное движение, а впрочем, она просто не знает, что дорога эта ведет к небольшому селу, где остались несколько дач и больше никого, а все движение перенесли еще пару лет назад на другую полосу, а эту трассу перекрыли из-за опасного участка.

Как бы там ни было, машин кругом не видно. Немного скучно, но больше волнует то, что обратно по этой дороге ехать уже не придется, и воздух снова кажется таким свежим и приятным. Даже баночка с чем-то густым и черным, пахнувшая так, как пахнет каждая разобранный машина, сейчас делает окружающие запахи особенными и своим ароматом лишь украшает атмосферу.

Оливия неожиданно взглядывает ниже и засматривается на свои коленки. Да и Василий к этому времени заканчивает чинить велосипед, поднимается во весь рост и взглядывает на девушку.

– Ну вот! – заявляет он с гордой улыбкой.

А затем, невольно последовав за взглядом красавицы-комсомолки, юноша тоже взглядывает на ее колени и начинает краснеть.

Девушка поднимает глаза и молча смотрит. Ждет. А потом и юноша, опомнившись, глядит выше и ловит на себе взгляд Оливии.

– Ох... эт... ты... эт... – бормочет он неразборчиво.

Миг спустя юноша даже останавливается и краснеет, сознавая, как глупо, наверное, выглядит в глазах комсомолки.

Девушка, впрочем, просто стоит и ждет. И тогда, опомнившись, Василий начинает суетиться.

– Сейчас-сейчас! – зачем-то объясняет юноша.

Промыв руки чем-то вонючим, он затем моет их прозрачной жидкостью, в которой скоро угадывается запах водки.

– Хех! Видал бы меня Дмитрич! Ха-ха! – шутит он неуклюже, но чувствует себя неловко и даже сам не смеется.

А после, достав аптечку, вытащив раскладной стульчик из-под сидения грузовичка, он приготавливает место и предлагает девушке сесть.

Оливия, поглядев на водителя с подозрением, спокойно и непринужденно усаживается на раскладной стул, а Василий тут же встает на колено, рядом кладет аптечку, открывает, сразу достает бинт, вату, пододвигает открытую бутылку водки, заматывает вату в марлю, обливает водкой, а потом уставляется на разодранные коленки и замирает в нерешительности.

– А тебе разве можно ее с собой возить? – спокойным, непринужденным тоном интересуется девушка.

– А? – поднимает юноша испуганный взгляд.

– Водку, – поясняет Оливия.

– А? А! А чего? Я ж ее не пью?

Вопрос немного оживляет Василия, помогает ему выйти из ступора, и юноша тогда осмеливается начать процедуру.

– Ты... это... смотри, щипать будет.

Аккуратно он прикладывает к расцарапанной коленке слегка промоченную водкой марлю с ваткой, и девушка слегка прищуривается, зашипев. Уже через несколько секунд она справляется с легкой болью, и водитель сразу же начинает заматывать коленку бинтом.

– Так... вот... сейчас...

Оливия спокойно наблюдает за тем, как неуклюже работает юноша руками, боясь прикоснуться случайно к ноге. Раскрасневшийся, он осторожно и заботливо наматывает бинт, а когда заканчивает, то становится ясно, что начальную военную подготовку он в школе не прогуливал.

Бинт на коленку ложится красиво и ровно. Подвигав ногой, комсомолка даже удивляется, ну а Василий, довольный результатом и сам, гыгыкнув и почесав затылок, принимается за вторую коленку.

– Ну, сейчас и тебя починим! Гы!

Девушка остается безразличной и глядит как-то странно, отчего юноша сразу умолкает, не делая попыток снова подшутить.

Оливия тем временем оправляется от легкого шока, ненадолго вернувшего ей чувства. Она вновь становится безразличной, что отражается приятной расслабленностью мышц лица, начавшего казаться слегка высокомерным, но Василий, смущенный до крайней степени, не замечает этого, поскольку сосредотачивает все силы организма, чтобы не коснуться случайно ножки комсомолки и не доставить ей этим абсолютно лишних неудобств.

Сама же девушка ничего не стесняется. Повинуясь своим мыслям, осмотрев внимательно довольно симпатичного юношу, одетого в рабочее, с короткой стрижкой и вихрами, она незаметно берется за ткань юбки и начинает ее поднимать.

Когда подол оказывается на середине бедер, то Василий все-таки это замечает. Увидев красивые ноги девушки, он сначала застывает, невольно став их рассматривать, но следом тут же уводит глаза, возвращает, путается, оступает и чуть не падает, но все же отставляет ногу и встает.

– Ну-у... это... все... как бы... – чешет юноша затылок, отвернувшись.

Девушка не теряет ни мгновения, встает, подходит ближе, непринужденно и легко берет водителя за ладонь, опускает ее резким движением и старается просунуть под упавший подол синей юбки.

Пальцы Василия оказываются на бедре Оливии, чуть выше колена. И тут же она со вздохом невольно вздрагивает, не сумев удержаться. От прикосновения, по всему бедру холодком ударяет ток и кажется, будто к ноге на миг приложили лед. А затем мышца слабеет с приятным чувством, а комсомолка беззастенчиво начинает поднимать руку юноши выше.

– Э... э... Э! – спохватывается Василий. – Да ты чего?! Разве ж можно ж... это ж... я ж не это же!

Оливия молча и с недовольством глядит на юношу. Отняв руку, он, весь покрасневший, отскакивает в сторону.

Трудно представить, будто бы действия красавицы-комсомолки могли не подействовать на юношу. Дыша через рот, он уже выглядит так, будто пробежал километров пять, кажется, даже начинает потеть, взгляд прячет и до жути смущается, а от волнения даже на шее у Василия заметно вздуваются вены.

Оливия уже, вздохнув, подступает ближе, чтобы продолжить то, что она начала, но юноша вдруг заговаривает, не обернув голову и слегка нахмурившись.

– А я ж думал, врет эта Настасья Федоровна! – заявляет он, будто оскорбленный. – А ты что ж, такая, что ли?

Девушка застывает на месте, но выражение на ее лице мгновенно теряет спокойствие. Разумеется, юноша не может знать, что вынуждает комсомолку так странно себя вести, но становится дико обидно. Одно дело, когда окружающие винули ее без повода, сейчас же все

немного иначе, и слова Василия ударяют в самое больное место: до сих пор все обвинения строились на вымыслах и слухах, теперь же они тем обиднее, что имеют хоть какую-то основу.

Это снова заставляет чувства вернуться.

– Придурок! – вскрикивает девушка, не удержав порыв.

Толкнув Василия, она хватается за велосипед, чуть не спотыкаяется, а сама уже начинает плакать, не удерживая целое море слез, вдруг начавшее проливаться из глаз.

– У меня еще никого... – говорит она сквозь плач, оправдываясь зачем-то перед человеком, почти незнакомым. – У меня никого еще не было!

На лице юноши мгновенно отражается вся глубина и сила его простецкого сочувствия. Тут же он сжимает от обиды кулак, не зная, что сказать, и отпускает девушку, с горя зашвырнув в траву открытую бутылку водки.

Умчавшись прочь, Оливия долго еще едет на велосипеде, отирая ветром слезы. Уже все решено и поворачивать назад она не станет. А Василий не поехал следом, отчего сразу же и хорошо и дурно. Почему не поехал? Кто знает, может, именно ему и суждено было отговорить девушку совершать самую большую ошибку в жизни.

Теперь уже все не важно. Девушка повторяет это, чтобы успокоиться, и это срабатывает. Не проходит и часа, после того, как она начинает повторять в голове эту мысль, как слезы перестают литься. А может, они просто уже закончились, потому как на душе все еще пасмурно и гадко, и эта слякоть, рождающая слезы, никуда не исчезла.

Тем удивительнее, что это настроение цветет во всю силу осенней печали именно сейчас, когда вокруг алым закатом рдеет теплый, весенний вечер, готовясь смениться ласковой прохладой ночи. Так тепло, так нежно весна цветет яркими коврами, пестрым цветом манит взгляд даже в багровых тонах уходящего за горизонт солнца, а на душе холод и мертвенность поздней осени.

Эта пустота не исчезает, но она странным образом вытесняет чувства, или, лучше сказать, поглощает их. Ехать остается совсем немного, когда Оливия успокаивается окончательно и, еще раз всхлипнув, она сворачивает с дороги на тропу, ведущую к заброшенному, стоящему на реке зданию.

Чуть дальше от этого поворота начинается опасный участок дороги, который не так давно был закрыт. Мост, готовый обвалиться, решено было не восстанавливать, а потому его просто обрушили, и движение по этой трассе сразу же прекратилось.

Поворот к частным владениям, остался за спиной. Еще какая-то дорога тоже уходила в сторону, но там, видно, никого не бывает, и колея почти вся заросла травой, так что ее легко было бы упустить.

Оливия запоминает все эти детали вплоть до самой последней мелочи. Ругая себя, что в этом нет никакой необходимости, она добирается до большого здания бывшей маленькой станции, велосипед оставляет на входе, а сама, вздохнув и начиная каменеть перед входом в развалины, она заставляет себя пройти внутрь.

Здание без стекол, дверей, без перил на лестницах, даже без покрытия на бетонных полах – голое, как недостроенный дом, стоит у самого обрыва. Старое, высохшее русло, уже даже трудно опознать, а сама река теперь бежит вниз, в ущелье, падая в него не здесь, как было прежде, а гораздо дальше.

– Ну, все... – вздыхает Оливия, храбрясь, и поднимается на третий этаж заброшенной станции.

Отсюда давно утащили все, что только можно было утащить. Остались только стены, да и их тоже местами подковыряли. От крыши тоже остался лишь бетон, но наверх залезть никак не удастся, так что приходится довольствоваться высотой третьего этажа. А впрочем, глянув из окна в ущелье, девушка сразу понимает, что этой высоты ей будет вполне достаточно.

Здесь все и закончится. Раз – и все. Ничего сложного. Решение не обдуманное, резкое, этим пугающее, но четкое и уверенное. Еще с младших классов девушка потеряла к окружающему миру интерес. Все в нем серое и неприглядное, все в нем глупое и уродливое, и терпеть это с каждым днем все труднее. А самое ужасное, что никакого смысла в том, чтобы это терпеть, нет.

Этим особенным чувством украшается вся атмосфера вокруг. Одновременно все становится неважно, но так удивительно и красиво, так незнакомо и интригующе. Эти запахи, пейзаж, сваливающееся за горизонт солнце, высокие деревья, бросившие на землю свои тени – все хочется узнать, прежде чем покинуть это место навсегда.

А внизу река. Журчит тихонько, шепчет, успокаивает. Оливия распускает криво обрезанные волосы, и они сваливаются неровной диагональю, оказавшись гораздо длиннее с правой стороны. А вот слева волосы едва достают до плеча, но неровность стрижки прячется за аккуратным, не большим, но и не маленьким ухом.

Впрочем, девушка не может заметить, что выглядит совсем не так ужасно, как могла бы подумать. Напротив нее темнеет пейзаж, на другой стороне ущелья растут деревья, а их пушистые кроны больше не пронзают острые лучи раскрасневшегося на закате дня солнца. Остается лишь шагнуть из окна – и все закончится.

И этот шаг оказывается трудным. Сердце начинает биться во всю силу еще до того, как Оливия заставляет себя подвинуть ногу. На полшага она подступает ближе к окну, но двигается так медленно, словно идет по дну реки против течения.

Сколько прошло времени – не угадаешь. Сердце колотится, а еще целый шаг до подоконника. Голова раскалывается от пустоты, рождающейся в борьбе двух взаимоисключающих мыслей, двух желаний. Одно стремление зовет быстрее прыгнуть вниз и окончить мучение, а второе зачем-то вызывает самые радостные и приятные мысли, будто желает самым наглядным образом показать, что жизнь не так ужасна и торопиться ее прервать не стоит.

А затем комсомолка вспоминает эти презрительные взгляды, это похожее на них выражение отца, потом в лицо ударяет ветер, и молчание падает на мир вокруг оглушительной вспышкой. Становится тихо, будто все звуки пропали после удара ядерной бомбы.

Тут же угасают звуки, перестает шелестеть листва, не поют больше птицы, не шипит ветер. Становится настолько тихо, что можно слышать, как в груди все спокойнее бьется сердце, как тихо шелестит дыхание. Спокойно и легко. Вдох – и достаточно. Теперь можно.

Оливия заносит ногу, но затем раздается чей-то смех, и испуг заставляет комсомолку схватиться за стены. Едва не споткнувшись, она заставляет себя удержаться, отталкивается руками, чтобы не свалиться вниз, а после сваливается на грязный бетонный пол.

Звуки просыпаются, колотится сердце, в ушах свистит, а руки дрожат, и тело не слушается. Встать не удастся, и впервые становится действительно жутко ощущать, что сердце может колотиться настолько сильно. Оно бьется в груди так отчаянно, будто хочет разорваться, но самое ужасное в том, что кажется, вот-вот у него получится этого добиться.

А затем опять смех. Где-то рядом. Снаружи, но близко. Женский. Странно, но знакомый. Мужские голоса, опять смех. Удивительно знакомый. Один и тот же. Даже жутко становится, когда не удается понять, что вообще происходит. Ум еще слишком взбудоражен и путается напрасно, но спустя несколько мгновений, когда сердце, не разорвавшись, начинает успокаиваться, то уже становится все легче думать и оценивать происходящее.

Опять раздается голос Виолетты. Узнав его, Оливия тут же поднимается на ноги и прислушивается, зачем-то выпучив в темноте глаза. Подруга смеется, и она совсем рядом, где-то снаружи... нет! Едва подумав об этом, девушка слышит, что голос раздается уже внутри здания, на нижних этажах, приобретя легкое эхо, а вместе с ним раздаются и несколько других, незнакомых голосов.

Наконец, убедившись наверняка, что внизу раздается голос Виолетты, что это не случайность, не игра ума, Оливия вздыхает.

– Ну вот... – заговаривает она с напряжением, застывает на миг, а после выдыхает и добавляет шепотом: – Хоть раз бы ты не вмешивалась.

Глава четвертая

Управляемое падение

Пожалуй, что любой другой голос, раздавшись в этом месте, ничего бы не смог изменить. Да и, если не закричать, то никто и не узнает, что за страшное событие произошло там, за окном, потому что в темноте наступивших сумерек нельзя было бы увидеть этот полет уставшей от заточения птицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.